

ЕВГЕНИЙ КРИВЕНКО

РОЗА СЕВЕРА

18+

ИЗБРАННИКИ АРМАГЕДДОНА III

Избранники Армагеддона

Евгений Кривенко

**Роза севера. Избранники
Армагеддона III**

«Автор»

2026

Кривенко Е. В.

Роза севера. Избранники Армагеддона III / Е. В. Кривенко —
«Автор», 2026 — (Избранники Армагеддона)

Продолжение романа «В землях заката», действие происходит 8 лет спустя. Приключения героя в России, Японии и Канаде. Одна мудрая гейша сказала, что настоящая любовь возможна до трех раз, но только если перед этим влюбленных разлучила неодолимая сила или смерть. Три женщины встречаются Варламову на вынужденном пути вокруг света и две больших любви, прежде чем он возвращается к первой – Джанет. Вводится тема альтернативного пути развития цивилизации, через овладение психическими и одновременно космическими энергиями. В романе "В землях заката" этот дар получили Уолд и Рената, но у тех он был в неразвитой и грубой форме. Здесь он дан юной девушке, которая вынуждает Варламова взять себя во временные жены - одьулун. Это жизненно важно и для нее самой и, как потом окажется, для всего мира. Но вырвется ли сам Варламов из хитросплетения чьих-то планов?

Содержание

Пролог	5
Возможность: осужденный	10
Возможность: коммерсант	19
2. Хаос и цветок	26
Интерлюдия: хаос	27
Интерлюдия: Цветок	34
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Евгений Кривенко

Роза севера. Избранники Армагеддона III

Пролог

Река времени ветвится – и перед человеком, и перед страной, и перед всем миром. Лишь одна возможность реализуется, другие тают в вероятностном тумане, но продолжают существовать. Потому что кое-что из них обязательно сбудется.

Это – продолжение истории Варламова и Джанет, героев романа «В землях заката», и из нее видно, как по разному может сложиться их судьба. Три женщины встретятся Варламову на новом отрезке пути, и две подарят большую любовь, так что он изведает все, доступное мужчине в этой жизни. Трижды его жизнь может потечь по другому, но не он один выбирает, любящие тоже имеют такое право, а еще есть данное *слово*.

Однако даже Владыки не имеют права навязать свою волю, и мечты могут не сбыться, а история пойти по более извилистому пути, но есть и то, чего отменить нельзя – так или иначе это случится, пусть и в конце времен.

Московская автономия. 2059 г.

Джанет сидела в раскладном кресле, глядя, как Юджин разжигает костер. Она улыбнулась: правильное, конечно, Евгений, но за годы жизни сначала на Североамериканских Территориях, а потом в Канаде он и сам привык к имени Юджин. Неужели восемь лет, как они женаты?

Зеленела трава, солнце коснулось розовой глади Онтарио. Костер быстро разгорался, Юджин привык к лесным бивуакам еще на родине, в далекой России. Пламя ярко осветило более резко выступающие, чем раньше, скулы и светлые волосы. Только Джанет знала, что в них появилась седина. Как талантлив ее муж: быстро освоился в Канаде, окончил университет, получил неплохую работу. Джанет подумала о доме, где они будут жить: разве она смела когда-то мечтать о семейном счастье?

Юджин словно услышал ее мысли, поднял голову и улыбнулся Джанет. Тут в палатке завопили, выбралась семилетняя Кэти и побежала к костру.

– Папа, ты утром уедешь? Не уезжай!

Варламов подхватил девочку на руки, для Джанет она стала тяжеловата.

– Надо, Катя. Вызывают на работу. Но к обеду вернусь, и сразу в путь.

Он кивнул на катер у причала. Давно планировали во время отпуска поплавать среди Тысячи островов, благо это недалеко от Торонто.

Солнце село, алая полоса протянулась над темным дальним берегом. Джанет поежилась от порыва холодного ветра.

Он ехал по пустынной дороге. Уик-энд – странно, что вызвали на работу. Увидел впереди две машины: одна наполовину съехала в кювет, а рядом полицейский автомобиль. Полицейский поднял жезл, и Варламов послушно свернул к обочине, наверное нужна помощь. Когда вышел из машины, полицейский почему-то направил жезл в его сторону. В лицо ударила едкая струя, перехватило дыхание. Последним ощущением было, что соскальзывает в темноту...

Юджин не вернулся с работы – оказалось, что его и не вызывали. Полицейские обнаружили брошенную машину, все ценное было похищено, и в полиции сделали вывод, что «мистер Варламов» стал жертвой бандитов. Безутешная Джанет добилась, чтобы в море был остановлен российский сухогруз, который привозил редкоземельный концентрат и еще не вышел из залива Св. Лаврентия. Поисковая команда поднялась со сторожевого катера и обыскала судно. Корабль был велик, простой в море при неудачном обыске предстояло оплачивать канадской стороне, и через пару часов полицейские с извинениями сошли обратно.

Когда Варламов приходит в себя, правая щека горит, как от раскаленного железа, а тело заоченело. Руки вывернуты и, похоже, связаны за спиной. Он лежит на холодном металле, и в ушах стоит нескончаемый плеск. Пробует закричать, но не может: рот забит кляпом. Темнота, боль, плеск воды – все длится бесконечно. Потом металл начинает дрожать, и спустя некоторое время возникает качка. Варламова то приваливает лицом к мокрому железу, то перекатывает на спину. Онемение в руках, ледяной холод, тошнота. Сознание снова уплывает в промозглый колодец...

Когда очнулся во второй раз, то лежал на койке, а в круглом окошке брезжил холодный свет. Похоже на иллюминатор, значит это корабль. Накатила ярость, оттеснив даже тошноту: его похитили! Он сполз с койки, добрался до двери и стал стучать, но она так и осталась запертой. К койке возвращался на коленях, упираясь руками в раскачивающийся пол. Когда дверь наконец открылась, сил хватило только повернуть голову. Человек с подносом, и еще один здоровяк маячит в коридоре. Когда поднос поставили на тумбочку, Варламов прохрипел:

– Уберите, я не стану есть. И требую капитана.

Поднос все равно оставили и ушли, закрыв дверь. Варламов стиснул зубы, его мутило, а мысль о еде усилила тошноту. Через некоторое время он собрался с силами, снял отсыревший костюм и повесил на стул. За дверцей оказался крохотный туалет, попил воды из-под крана и сразу выблевал все в унитаз. Долго стучал зубами под тонким одеялом, пока не согрелся и уснул. Когда просыпался, электрический свет всё горел и иллюминатор продолжал глядеть черным круглым глазом.

Утром (часы на стене показывали восемь) качка стала более размеренной. Снова открылась дверь, и матрос молча забрал нетронутый поднос. Спустя час вошел человек в отутюженной форме, явно офицер. Опять здоровяк торчал в коридоре. Глядя в сторону, человек в форме равнодушно сказал по-русски:

– Я капитан корабля. Мне приказано доставить вас в Мурманск. На что жалуетесь?

Значит, его и в самом деле выкрали! Варламов чуть истерически не рассмеялся: похитили, держат взаперти – и на что жалуетесь? Он постарался взять себя в руки, перед ним просто исполнитель. Надо разузнать обстановку, а для этого получить хоть какую-то свободу. Он сухо сказал:

– Я хочу, чтобы мне разрешили выходить на палубу. Куда я сбегу посреди Атлантики? Иначе я объявляю голодовку.

Капитан впервые поглядел на него, в глазах промелькнула усмешка.

– Ладно, – ответил он. – Только с сопровождением.

Целую неделю сухогруз пересекал океан: взбирался на угрюмые водяные холмы и падал, рассекая форштевнем белую пену. Варламов часами простаивал у борта, прикованный за руку к здоровенному моряку. Тот упорно молчал, а бежать действительно было некуда. Зачем его похитили, было непонятно. Возможно, загадка таилась в прошлом – ведь из-за чего-то его и Джанет преследовали цзин – но вспомнить не удавалось, он словно толкался в наглухо запертую дверь. От морской болезни и разлуки с Джанет бывало так тошно, что хотелось броситься в

море. Варламов стискивал зубы и терпел. В конце концов, он пересекал океан уже во второй раз, может быть удастся вернуться.

К исходу седьмого дня море немного успокоилось, и показались снежные горы, вероятно Норвегия. На следующий день сухогруз обогнул какой-то мыс и пошел близко к берегу. Горы сделались ниже, снега на них меньше. Щеки Варламова горели то ли от ледяного ветра, то ли от волнения: нежданно-негаданно он возвращался домой. Хотя... дом у него теперь там, где Джанет. Вспомнились зловещие слухи о тайной полиции Московской автономии – что похищение организовано ею, он не сомневался. Вряд ли его устроили слабые власти Карельской автономии. Только зачем им это надо?

В море показалась темная точка и стала быстро увеличиваться. Отбрасывая шлейфы пены, мимо пронеслось небольшое, воинственного вида судно с невысокой мачтой, орудием на носу и какими-то контейнерами вдоль бортов. Обойдя вокруг сухогруза, оно умчалось, выкинув на мачте несколько флажков, наверное разрешение следовать дальше.

Хмурое Баренцево море уходило на восток, а корабль повернул направо и втянулся в широкий фиорд с холмистыми берегами. Варламов продрог на ветру и спустился в каюту. Не раздеваясь, прилег на койку и облегченно вздохнул: наконец-то морская болезнь оставила его. Неожиданно заснул.

Проснулся от голоса из громкоговорителя: «Внимание! Корабль встал на стоянку в порту Мурманск. Членам команды оставаться на местах по служебному расписанию, а пассажирам не покидать кают. Приготовиться к паспортному и таможенному контролю». Варламов усмехнулся, на борту он был единственным «пассажиром». Вставать не хотелось: тревожила неизвестность впереди, а узкая койка за неделю страданий от морской болезни стала почти родной. Лишь когда открылась дверь, он сел.

Вошли двое в гражданском, секретная полиция? Но выглядели довольно заурядно: ни широких плеч, ни квадратных подбородков. Один махнул каким-то удостоверением:

– Министерство государственной безопасности. Варламов Евгений Павлович? Вы арестованы.

– За что? – неприязненно спросил Варламов. Удостоверения так и не успел разглядеть.

– Угон военного самолета и подрыв тем самым обороноспособности Российского союза, – отчеканил вошедший первым. Второй помалкивал, разглядывая Варламова.

– Это Михаил Сирий поднял самолет в воздух, когда на базу напали, – хмуро ответил Варламов. – Я не знал, что он возьмет курс на Америку.

– В Следственном комитете будете объяснять, – ухмыльнулся сотрудник МГБ.

– Почему меня похитили? Я все-таки гражданин Канады.

– Ничего, российское гражданство вы тоже сохранили. Так что ответите по всей строгости российских законов. – Говорил один и тот же мужчина: лицо мелкое и непримечательное, выделялись только холодные белесые глаза.

– Встать! – скомандовал он. – Следовать за мной!

Хоть наручников не надели. Варламов молча накинул выданную ему морскую куртку (больше вещей у него не было) и вышел из каюты. Второй сотрудник следовал по пятам. На палубе в лицо ударил ветер с порывами снежной крупы. Вокруг другие суда, за их мачтами по склонам разбросаны здания. Выкрашены в яркие цвета, что смягчает впечатление хмурости: серое небо сверху и темная вода внизу. Город заметно больше, чем провинциальная Кандала, и напоминает канадский Ванкувер, только без небоскребов.

На пирсе ждала обычная китайская «Тойота». Варламова грубо толкнули на заднее сиденье, и машина тронулась. Ехали недолго, до вокзала. В России через Тёмные зоны протягивали струнные дороги, чтобы вновь связать страну воедино, но до Мурманска такая пока не дошла, вокзал высился над обычными железнодорожными путями. Варламова сопроводили на перрон, у которого стоял поезд: электровоз и несколько вагонов. Заняли первое купе, с двумя

диванчиками внизу и полками вверх. Пленника поместили к окну, а МГБ-шники расположились у двери. Поезд тронулся, вскоре оставив позади россыпь разноцветных домов. Дорога шла по лесотундре: перелески, речки, озера – знакомый пейзаж. Через час с лишним замаячили покрытые угрюмыми облаками Хибины. МГБ-шники молчали, а Варламов не отрываясь от окна: в этих местах он бывал не раз.

Снова лес, редкие станции, а потом сердце тоскливо сжалось – обрисовались контуры сопки над родной Кандалой. В городе простояли недолго, вышло несколько пассажиров, и поехали снова. Теперь поезд шел медленнее, колеса простучали по дамбе над синей гладью залива. Небо впереди потемнело, словно нечто выпило из него свет. Варламов вздохнул – Лимб, а за ним Тёмная зона.

Появились они после минувшей войны. Загадочный «чёрный свет» со спутников полосами прошёл по поверхности Земли, изменяя материю на уровне элементарных частиц. Биохимические процессы нарушались – люди и животные заболели, а потом гибли. Некоторые странно перерождались. Почва начинала испускать вторичное излучение, к счастью его свободный пробег не превышал нескольких метров. За пределами Тёмных зон жизнь продолжалась, как и раньше, разве что многие государства распались. Соединённые Штаты обратились в рыхлую конфедерацию «Североамериканских Территорий», не миновала эта участь и Россию...

Пути разбежались в стороны, поезд стал.

– На выход! – приказал один из МГБ-шников.

Стало понятно, почему ехали в обычном поезде: пересадка на струнную дорогу предстояла только здесь. По другую сторону маленького вокзала стояли опоры с балками поверху. Внутри них с усилием 200-300 тонн были натянуты стальные тросы, и поезда могли развивать по такой дороге более 100 километров в час. Меньше, чем на скоростной железной дороге, да и вагончиков в составе, который стоял у высокого перрона, было всего с десяток: два пассажирских и несколько грузовых. В стороне пара кранов перегружала контейнеры с обычных на платформы струнной дороги.

Не очень удобно и вдобавок дорого: в Канаде часто приходилось иметь дело с доставкой грузов, и там струнные дороги не получили распространения именно из-за дороговизны строительства и перевозок. Но в Тёмных зонах обычные дороги стали опасны и не ремонтировались, а полотно струнных дорог шло выше зоны вторичного излучения и для небольшого грузопотока и пассажирского сообщения они вполне годились. Видимо, поэтому Московская автономия и развивала их сеть. Только как ставили опоры через Карельскую Тёмную зону, ее приходилось пересекать по диагонали, и расстояние составляло более 100 километров?..

Долго размышлять не дали, подтолкнув к лестнице на приподнятый перрон. Вагончик был поменьше, но купе почти такое же. Варламова опять захихикали к окну, а МГБ-шники сели у двери. Состав мягко тронулся и вскоре словно упал в глубокую тень. Был май, время белых ночей, однако за окнами стусился сумрак, и даже солнце сделалось тусклым. Мелькали скрюченные деревья, но рассмотреть их из-за скорости не удавалось. Несколько раз пересекли заброшенную железную дорогу. МГБ-шники скушаяще поглядывали в окно. Хотя заговаривать с ними не хотелось, Варламов все-таки спросил:

– А как здесь проложили дорогу? Допустим, блоки с рельсами можно опускать с вертолета, но опоры ведь надо монтировать на земле. Роботов применяли?

Тип с белесыми глазами неприятно хохотнул:

– На исправительные работы направляли врагов государства. Если выполняют норму, спускали жратвы и водки вволю. Недовыполняют – урезанный паек. А кто не хотел работать, сжигали с вертолетов напалмом. Ударная стройка получилась, за пятилетку опоры выставили. Рельсы и в самом деле монтировали с вертолетов.

Варламова передернуло, про такое не слышал. Если конвойный не врет, немалая получилась цена за восстановление державы.

Слегка покачивало вверх и вниз, монотонно свистел ветер, и Варламов стал задремывать: сказывалось недосыпание из-за морской болезни. МГБ-шник в упор смотрел на него глазами снулой рыбы, забытой на берегу...

Возможность: осужденный

Он был признан врагом государства и осужден на каторжные работы. Все лето, исходя потом под защитным комбинезоном, он с другими осужденными бурил скважины, закреплял в них сваи, опускаемые с вертолетов, а потом заливал бетоном. Их бригаде приказали поставить двадцать опор с интервалом 50 метров под один путь, и столько же опор под другой. Рельсы будут монтировать на следующий год, когда опоры выстоятся за зиму. После выполнения плана обещали эвакуировать и скостить оставшийся срок вдвое.

Под конец смены Варламов страшно устал. Болели плечи, а дужка ведра, наполненного бетоном, выскальзывала из пальцев. От укусов мошкары, проникавшей под комбинезон, горело все тело. Шатаясь, он протащил ведро с десятков метров от бетономешалки и вылил в опалубку с другой стороны опоры. Сашка, бывший учитель физики, «штыковал» бетон – то есть протыкал стальным прутком, а потом раскачивал его, чтобы не осталось каверн. Еще несколько человек копошилось у соседней опоры, а другие зэки таскали щебень и песок к бетономешалке. Ею заведовал бригадир Михалыч, хмурый мужик с техническим образованием, его обещали освободить вчистую.

Прозвенел гонг. Сашка со стоном выпрямился и стал разминать поясницу. Туфта не проходила, в конце каждой смены Михалыч проверял плотность бетона специальным устройством. Если стрелка отклонялась за красную черту, прихлебатели бригадира били по морде и заставляли трамбовать вручную, пока бетон еще не застыл.

Михалыч подошел с прибором.

– Сторонись, доходяги! – глухо раздалось из-под маски.

Он обошел опалубку, держа коробочку прибора над бетоном и наблюдая за стрелкой. Сашка описывал принцип его действия, но Варламов от усталости плохо понимал.

– Вроде нормально. Идите жрать.

Меся грязь, они побрели к вагончику столовой, а навстречу тащились зэки из второй смены. Было время белых ночей, так что работали круглые сутки по двенадцать часов. Повезло, что Михалыч сначала подошел к ним: не придется стоять в очереди. Сняли тяжелые комбинезоны в прихожей, вымыли руки. Хорошо бы и тело, оно отчаянно зудело – то ли от пота, то ли излучение Зоны все же пробивалось сквозь комбинезоны. Хотя вроде бы специальное металлическое напыление...

На кухне работали две девушки, Нюра и Светлана. За что попали на каторгу, не говорили – может, как родственницы врагов государства. Двигались как сомнамбулы, лица помятые, под глазами темные круги. Уставали: с утра надо готовить, а ночью вторая смена – тянулись мужики из спального вагончика. За девицами выстраивалась очередь, места в ней разыгрывали в карты, и только Михалыч с прихвостнями проходили без очереди.

Света наложила Варламову полную миску лапши с тушенкой и подмигнула.

– Зашел бы ночью. Когда эвакуируют, в обычном лагере баб не будет.

Но Варламов стеснялся, да ночью и спал без задних ног.

– Устаю я, Светочка, – пробормотал он и направился в угол. Там на ящиках сидел монах в черном одеянии, выдавал водку и курево. Ляпнул про президента, что тот «бич Божий», вот и попал сюда. Но раздачу водки доверяли только ему.

– Мне двести грамм, – сказал Варламов.

– Примите, во имя Господа, – ответил тот.

Варламов поставил миску и стакан на стол, сразу выпил половину и принялся за лапшу, кормили неплохо. В голове слегка зашумело, тело начало расслабляться. Варламов не курил, но без водки выжить здесь было трудно. Он допил оставшееся, и жизнь стала казаться сносной. Вагончик наполнялся народом и табачным дымом, курили безбожно. Варламов запил лапшу

компотом и вышел с Сашкой на улицу. Перед этим тщательно застегнул комбинезон и надел маску. Сашка только накинул куртку.

– Зря, – проворчал Варламов. – Схватишь лишнюю дозу.

– А, – отмахнулся Сашка. – Есть у меня сомнения насчет этих комбинезонов. Посмотри на Михалыча.

Тот видно распределил вторую смену по местам и, подходя к столовой, загодя стянул маску. Лицо землистое, одышка. Немудрено, день и ночь на ногах.

– Видел, какое у него лицо, – прошептал Сашка, когда Михалыч зашел в вагончик. – Такое бывает в начальной стадии черной немочи. Ни черта комбинезон не спасает, туфта это. Нас и подгоняют, чтобы сделали опоры, пока не сдохнем.

– Ну... – неуверенно начал Варламов. Стало зябко, самому приходила в голову такая мысль. – А что делать?

Сашка заковылял к спальному вагончику и сел на скамейку.

– Бежать, – прошептал он, дождавшись Варламова. – Помнишь, я пропадал целый день.

Было дело. Сашка вернулся к вечеру и его здорово избили, потому что норму за него пришлось выполнять другим.

– Там выше по речке есть заброшенный поселок. И по-моему, в нем кто-то живет.

– А какой смысл бежать? – горько спросил Варламов. – Все равно сдохнешь.

– Ну, некоторые выживают... – загадочно сказал Сашка.

Но Варламова неудержимо клонило в сон – сказывались тяжелая смена и выпитая водка.

– Ладно, я на боковую, – сказал он.

В вагончике было тесно. Варламов забрался на свой второй ярус, натянул вонючее одеяло на голову и сразу погрузился в сон. Снилось что-то несуслазное: он почему-то в Америке, в руках снова лопата, но кидает не землю, а снег возле красивого дома с верандой...

Проснулся от ударов гонга: пора вставать, завтракать и опять на смену. Варламов потянулся и застонал от боли в суставах. На завтрак опять была лапша. Света слабо улыбнулась Варламову. Побрели к опорам – в вечном сумраке Зоны, под морозящим дождем. Отработавшие эки не торопились к столовой, собравшись в кучу. Михалыч повернулся к подошедшим:

– Кажись, всё. Курите, а я схожу к соседям, спрошу, как у них.

Он потащился через болото к опорам, которые уже давно поставила другая бригада. Сами работяги туда не ходили – хорошо, если силы оставалось на баб. Варламов топтался на месте в тупом недоумении: неужели работе конец и не сегодня-завтра их эвакуируют? Сашка толкнул в бок:

– Пошли, посидим.

Другие эки потянулись к столовке, там можно покурить в тепле, сыграть в карты. Варламов и Сашка присели на скамейке у вагончика: сыро, но никто не мешает. Сашка постучал по стене вагончика.

– Дерево, – сообщил он. – Многослойная фанера, а внутри утеплитель. Здорово будет гореть, если что.

– Здесь запрещено курить, – вяло сказал Варламов. – Михалыч голову оторвет. В столовке пожалуйста, она из алюминия.

– Я не об этом. – Сашка покосился направо, где виднелись опоры, поставленные до них еще в прошлом году. – Помнишь, там были следы пожара.

– Ну да. Нам объяснили, что лес вокруг трассы регулярно выжигают. Для дезинфекции и от всяких тварей.

– Ага, – вздохнул Сашка. – Что-то предчувствие у меня нехорошее...

Они посидели еще, дождик закончился, меж хмурых облаков проглянуло тусклое солнце. На болоте показалась неуклюжая фигура Михалыча.

– Пошли, – Сашка встал. – Послушаем, что скажет.

Народ высыпал из столовки. В неуклюжих комбинезонах, со стеклянными глазами масок, люди казались толпой инопланетян.

– Вот что, мужики, – глухо донеслось из-под маски Михалыча. – Соседи к вечеру кончат. Они медленнее, потому что у них одного медведь задрал. Перед ними тоже закончили. А к нам я инспекцию вызвал. Если все в порядке, завтра общая эвакуация.

Вертолет прилетел после обеда. Распогодилось, и ядовитый зеленый блеск пролился на листву деревьев. Внизу по-прежнему царил сумрак. В небе появилась черная муха, выросла и уродливой стрекозой повисла над просекой. Инспектор спустился по лесенке, следом опустили ящик с инструментами. Зэки столпились у спального вагончика, подходить ближе Михалыч запретил.

– Смотри, – прошептал Сашка на ухо Варламову. – Комбинезон как у нас, но по нему словно перетекает свет. У наших такого эффекта нет.

Действительно, по одеянию инспектора струилось слабое сияние.

– Это от солнца, наверное, – предположил Варламов.

Сашка фыркнул.

Инспектор проверил лазером высоту и вертикальность опор, потом замерил плотность бетона в каждом фундаменте. Зэки чесались сквозь комбинезоны и привычно курили, хотя назойливую мошку сдуло ветром от винтов. Наконец инспектор сложил инструменты обратно и, не говоря ни слова, махнул рукой. Сначала подняли ящик, потом его самого. Вертолет проплыл над соседним участком и завис над следующим.

Варламов сначала считал, сколько раз он зависнет, но потом бросил: стало далековато. Но не меньше десятка раз, так что трасса удлинилась километров на десять. Наконец вертолет улетел, а небо начало хмуриться. Повезло, иначе ждали бы хорошей погоды для инспекции. Было непривычно, что не надо работать – безделье казалось блаженством. Михалыч переговорил по рации в своем закутке и сказал, что если будет погода, завтра проверят соседский участок, а потом пришлют вертолеты для эвакуации. Это казалось чудом: наконец-то оставят давящий сумрак Зоны, смогут помыться. Их ждала уже не каторга, а обычный трудовой лагерь.

Вечером облака немного разошлись, и над черным лесом протянулась кровавая полоса заката. Сон не шел, вспоминалась лукавая улыбка Светланы. Наконец Варламов не выдержал, слез с койки и пробрался к выходу. Вокруг храпели: монаху приказали выдать двойную порцию водки, так что у столовки никого не оказалось. Задняя дверь вагончика легко открылась, по сторонам прохода были фанерные перегородки. Из-за левой двери слышались возня и вздохи. Варламов знал, что Светин закуток справа, постучал, а потом вошел.

– Кто там? – тихо спросила Света.

– Это я, Евгений.

– Пришел-таки. Ну, раздевайся, слюбимся напоследок. А то надоели эти козлы.

У Варламова бывал секс: пару раз после школьных вечеринок, но всё наспех. Дальше отношения не складывались, приводить девушку было некуда, сам жил на птичьих правах. Теперь он лег в узкую койку, с наслаждением ощутив горячее женское тело своим. Лежать рядом было тесно, и Светлана сначала крепко поцеловала его в губы, а потом потянула на себя. Маленькие груди под скомканной ночной рубашкой, жесткие ребра, восхитительное скольжение в жаркую глубину... Светины пальцы впились в ягодицы, толкая в себя, и Варламова даже подбросило от сладостной судороги оргазма.

– Миленький, – прошептала Светлана, – как приятно было с тобой. Не забывай меня, ладно?

– Ладно, – пробормотал Варламов. Его переполняли блаженство и горечь одновременно.

Они лежали в обнимку, потом в дверь заскреблись, и Света с вздохом выпустила Варламова.

– Не дадут полежать, сволочи. Ну, иди. Все равно не будет покоя, после водки на подвиги потянуло.

Поцеловала на прощание, и Варламов ушел. Хорошо бы погода испортилась, еще раз удастся навестить Светлану. Но солнце поднялось над лесом как багровый шар, и после завтрака, когда Варламов успел лишь пожать ладошку девушки, прилетел вертолет с инспектором. Повисел над соседним участком и отбыл.

– Всё! – объявил Михалыч. – Готовимся к эвакуации. Когда прилетят вертолеты, все в вагончик. Выходить будете по одному, начиная с первого номера. С собой ничего не брать.

Зэки разбрелись по лагерю, а Сашка поманил Варламова, глаза даже под стеклами маски лихорадочно блеснули.

– Я ухожу! – объявил он. – Как сказали, что всем в вагончик, все стало ясно.

– А что? – тупо спросил Варламов.

– Не будет никакой эвакуации. Нас просто сожгут. Помнишь пожарище на месте, откуда начали? Это не лес жгли.

– Не верю, – сказал Варламов. Но в голове мучительно заныло, слишком часто Сашка оказывался прав. Например, когда белка подбежала к Варламову и забавно вытянула лапки, прося еды. Тот присел на корточки, доставая сухарь, а Сашка сапогом отшвырнул белку в сторону. Та все равно не испугалась, и тогда Сашка зажал ее двумя ветками и бросил в решетчатый ларь из-под комбинезонов. На следующий день белка почернела, стала дико верещать, вцепилась зубами в решетку, да так и сдохла с пеной изо рта.

– Укусила бы, и с тобой то же было, – сказал приятель. Все-таки образование – великая вещь.

Сашка оглянулся на эков: – Не пойдешь, уйду один.

Варламов тоскливо поглядел на столовую, как бы предупредить Светлану?..

– Вот и удобный момент, – прошептал Сашка. – Михалыча не видно, а другие высматривают вертолеты.

Действительно, издали слышалось жужжание. Сашка повернулся и не спеша пошел к лесу, словно решил справить нужду на природе, а не в вонючем сортире. Варламов помялся и двинул следом. У самого леса Сашка пригнулся и побежал. Варламов тоже, ругая себя за податливость: ведь это верная смерть!

Пробежали через лесок, к счастью редкий и удалось избежать ядовитых шипов. Потом через болотце, усыпанное тошнотворно розовой морошкой – от одной ягоды человек умирал в луже собственной блевотины. Сзади слышались крики. Начался подъем на каменистый холм.

– Прячемся! – выдохнул Сашка. – На открытом месте нас заметят.

Беглецы нырнули в расщелину скалы и спрятались за камни так, чтобы видеть покинутый лагерь. Двое эков, что бросились за ними, возвращались к вагончику. У него суетился Михалыч, скорее всего изрыгая отборный мат. Вертолеты были уже близко. Михалыч затолкал последнего эка в вагончик и остался у двери, подняв шест с белой тряпкой. Вертолеты начали расходиться.

– Это не транспортные! – закричал Сашка. Все равно в грохоте вертолетных винтов никто не услышит. – Смотри!

Действительно, вертолеты не походили на древний Ми-8, который доставил их сюда. Черные и уродливые, с какими-то бочками под короткими крылышками, они хищно опустили носы. Один нацелился на их лагерь, а другие растянулись дальше вдоль трассы. От первого отделилась бочка и стала падать прямо на вагончики.

– А-ах! – вырвалось у Сашки.

Бочка ударилась о землю рядом с Михалычем, из нее хлестнул огонь, и не стало видно ни бригадира, ни вагончика – только красное, рвущееся вверх пламя. Беглецов обдало волной

раскаленного воздуха. Столовка была чуть дальше, но и ее охватил огонь. Из двери кто-то выскочил, и фигурка мгновенно вспыхнула факелом. Она задержалась и упала.

– Светлана! – закричал Варламов.

Он вскочил, но Сашка сильно дернул его за ногу. Варламов упал, ударившись головой о камень. Все поплыло перед глазами, словно во сне видел пылающие вагончики, а дальше вдоль трассы всплывали такие же огненные клубы. Издалека прозвучал Сашкин голос:

– А не зря поставили вагончики подальше от опор. Чтобы пламя опалубку не повредило.

Даже сумрак Зоны отступил от яростного света пожара, но Варламову было все равно. «Свет – Светлана, свет – Светлана...» – снова и снова повторялось в голове. Одурающее запахло жареной свининой, как-то в день рождения президента им приготовили свиное жаркое. Откуда здесь свинина?.. Рядом слышались странные звуки – это рвало Сашку.

– Не могу больше! – прохрипел он. Встал и, покачиваясь, двинулся по склону, подальше от жара и тошнотворного запаха. Варламов вяло глядел вслед.

Сашка пересек лесок и появился на болоте. Надо бы за ним, но тело не слушалось, а в голове продолжался звон. Вертолет, который сжег их вагончики, вдруг взлетел выше, повернулся носом в Сашкину сторону и будто прыгнул вперед. Тугая волна воздуха вдавила Варламова в каменную щель. Из носа вертолета вырвалась череда вспышек, вокруг Сашки взметнулись фонтаны грязи, и он упал. Вертолет опустился ниже, еще несколько вспышек...

Потом машина приподнялась и поводила носом в стороны, будто принюхиваясь. Стороной прошла мысль, что в расселине, да еще в грязно-сером комбинезоне, его вряд ли заметят. И правда, вертолет стал набирать высоту, а потом с другими черными мухами уполз туда, откуда прилетели.

Почти тишина, нарушаемая лишь треском догорающего пламени. Сашка был прав, все сгорело быстро. Не помнил, сколько еще пролежал. Очнулся от холода и первым делом содрал маску. Моросил дождь, и капли текли по щекам – то ли вода, то ли слезы. Светлана!.. Над пепелищем поднимался белый пар, и все так же тошнотворно пахло жареной человечинкой. Надо уходить отсюда!

Ноги еще плохо держали. Хватаясь за стволы березок (слава Богу, это были не ели с ядовитыми иглами!), Варламов спустился к телу Сашки. Тот лежал ничком, лохмотья комбинезона колыхались в красноватой мутной воде. Варламов постоял: что же говорил Сашка?.. Ах да, надо идти по речке вверх, там поселок и как будто кто-то живет. Но кто может жить в Тёмной зоне?

Речка текла через просеку недалеко от лагеря – от бывшего лагеря. Сколько таких, испепеленных напалмом, осталось вдоль трассы?.. Первым делом Варламов умыл горящее лицо и попил, проточная вода не давала вторичного излучения. Отсутствие маски больше не беспокоило: как и сказал Сашка, все это была туфта. С самого начала они были обречены на смерть. Потом побрел по болотистому берегу вверх по течению. Дождик продолжал идти, словно плакало само небо.

Впереди слышался шум – Варламов вышел к порожистому участку. Вода низвергалась между камней, по черному омуту плыли клочья пены, по берегам высились скалы. Вспомнилась «Калевала»: он будто в Похьеле, стране мертвых. И правда, где же еще? Может быть, здесь встретит Светлану?..

Как ни странно, от омута вела утоптанная тропинка. Варламов с трудом поднялся по ней, тропинка влилась в дорогу, а дальше были видны дома – Сашка опять оказался прав. Здания в два и три этажа, скорее городок. Варламов побрел по дороге, подташнивало, голова заболела опять. Впереди возникла человеческая фигура. Когда приблизилась, то оказалась женщиной, но странного вида: невысокая, худая, в нарядном платье. Еще ближе...

Лисье лицо, красивые голубые глаза. Но голодные, и что-то в них внушает страх.

– Не бойся, – сказал женщина. – Я Рената, и мы виделись, только не здесь. Здорово над тобой поиздевались. Но это не повторится.

– Меня зовут Евгений, – тупо сказал Варламов.

– Знаю, – отмахнулась Рената. – Юджин, Евгений, какая разница. Пойдем со мной. В городе снимешь свой дурацкий комбинезон, все равно от него нет проку. Там помоешься, я уже нагрела воды. В магазине найдется мужская одежда.

– Какой смысл? – горько спросил Варламов. – Я все равно умру.

– Ты не умрешь. У тебя Дар, только ты еще не знаешь, какой.

Она повернулась, и Варламов побрел вслед в ее сумрачный город...

Сильно тряхнули за плечи – пропал сумрак Зоны и покинутый город. Варламов глядел в белесые рыбы глаза.

– Не спать! – жестко приказал МГБ-шник. Он отпустил Варламова и сел напротив.

Варламов повел плечами – больно!

– Мне что, и спать нельзя? – ошарашено спросил он.

– Пока не полагается. – Конвоир, сощурившись, разглядывал его. – Прибудем на место, там решат.

Варламов облизнул губы, взывать к милосердию стражей бесполезно. Ладно, не скажет больше ни слова – ни этим, ни тем, кто их послал. Но что же он видел сейчас, сон? Просека, каторжники у опор... Он в тяжелом комбинезоне, бежит, его обдаёт жаром... Небывалое правдоподобие для сна. И голова все еще болит. Он прижался лбом к холодному стеклу.

Серый туман стлался по земле, стало темнее – поезд миновал полярный круг, и тусклое солнце скрылось за горизонтом. В купе загорелся яркий свет, и за окнами почернело. Время тянулось медленно, веки Варламова то и дело слипались, он поспешно раздвигал их, но все равно трясли еще несколько раз. Замелькали огни, поезд остановился у освещенного вокзала. Петрозаводск – бывшая столица Карельской автономии, теперь обычный губернский центр. Стояли долго, потом поезд сорвался с места и словно провалился в темный колодезь. До Вологды дорога шла по малонаселенным местам.

От яркого света голова болела все сильнее. Ночь тянулась бесконечно, несколько раз стояли, но вокзалы оставались в стороне, и названий не было видно. Наконец стало светать: белый туман, смутные массы деревьев, красная полоса разгорается на горизонте. Вдали загорелись золотые искры – как когда-то над озером Мичиган, когда с Сирином подлетали к мертвому Чикаго. Только это не высотные здания, а купола соборов – временная столица Московской автономии, город Владимир.

Когда поезд остановился, города разглядеть не удалось, за открывшейся дверью вагона было гостеприимно распахнуто нутро автофургона. Варламова толкнули в него, следом зашли сопровождающие. На этот раз ехали недолго: лязг отпираемых ворот, глухие голоса. Когда открылась дверь, видны были только кирпичные стены внутреннего двора и розовый квадрат неба над головой. Повели по лестнице, потом по коридору, где стены были обшиты панелями из темного дерева. Втолкнули в дверь.

– С возвращением, господин Варламов!

Сумрачный кабинет с портретом президента Московской автономии на стене, из-за стола приподнялся мужчина в форме. Тоже низкорослый: мода у них на мелких, что ли?

– Майор Седов, – резковато представился он, – старший дознаватель Министерства государственной безопасности.

– Задержанный Варламов. – Постарался ответить в тон.

Мужчина криво улыбнулся, у него были холодные серые глаза.

– Конечно, – кивнул он. – Евгений Павлович Варламов, восемь лет назад исчезнувший из Карельской автономии при странных обстоятельствах.

– Меня увезли, – хмуро ответил Варламов. И неприязненно добавил: – В чем меня обвиняют?

Дознаватель указал на стул с высокой спинкой.

– Садитесь, куртку можете снять. Обвинение было предъявлено при задержании: угон военного самолета и подрыв тем самым обороноспособности Российского союза.

Варламов сел на жесткий стул, на дознавателя пришлось смотреть снизу вверх. Повторил сказанное на корабле:

– Это Михаил Сирин поднял самолет в воздух, когда на базу напали. Я не знал, что он возьмет курс на Америку.

Седов глянул на дисплей:

– Так и будете повторять? Бессмысленно. Сирина нет в живых, так что подтвердить ваши слова некому. А за такое преступление дают десять лет каторжных работ.

– На строительстве струнной дороги? – хмуро спросил Варламов, а на душе стало тяжело: прощайте, Джанет и дети.

– Скорее всего, – усмехнулся Седов. – Отбыть срок и вернуться мало у кого получается.

– Садисты вы, – вяло сказал Варламов. Нахлынула тоска, а тут еще усталость от бессонной ночи.

– С какой стороны посмотреть, – прищурился майор. – Зато послужите возрождению великой России.

– Такие, как вы, ее и просрали, – зло сказал Варламов. – Отец рассказывал, что было перед войной: жуткое воровство, всё развалили. Где были тогда ваш президент и госбезопасность?

Дознаватель покачал головой: – Получите дополнительный срок за клевету на президента.

– А какая разница? – передернул плечами Варламов.

– И в самом деле... – задумчиво произнес Седов, и в глазах появилось оценивающее выражение. – Хотя, что мы всё о плохом?

Он поставил локти на стол, наклонился к пленнику и задушевно сказал:

– Мы вытянули вас из Канады, Евгений Павлович, не затем, чтоб упечь на каторгу. Да и о ней вам рассказали страшилку, как раньше о урановых рудниках. Дескать, бросают в Зону без защиты, сжигают напалмом. На многих хорошо действует, сразу делаются сговорчивее. В действительности срок пребывания в Зоне строго контролируется, так что большинство возвращается здоровыми... ну, почти. Что для вас страшнее, не скоро вернетесь к семье. Вы назвали нас садистами, но для достижения благородной цели допустимы любые средства. А цель у нас благородная, государственное благо. У Московской автономии непростое положение, кругом враги. Так, на нашего уважаемого президента недавно было совершено покушение, причем скорее всего соседями из Южнороссии...

– Я немного слежу за событиями в России, – сказал Варламов. – Такой новости не встречал.

– Зачем волновать население? Я делюсь с вами секретной информацией, чтобы вы вошли в наше положение. Будь у Московской автономии «чёрный свет», соседи и Китай были бы куда осмотрительнее. А до нас дошли слухи, Евгений Павлович, что вам откуда-то этот секрет известен. Открытие было сделано в России и должно вернуться на родину...

Он еще что-то говорил, но Варламов перестал слышать. «Чёрный... свет...» – гулко отдавалось в голове, и показалось, что сознание тонет, кружась в бездонном колодце. Кое-как пришел в себя.

– Вы ошибаетесь, – голос прозвучал глухо. – Я знаю о «чёрном свете», кто же не знает, но физическая природа этого явления мне не известна. Это тщательно охраняемая тайна.

– Однако вы отреагировали странно. – Майор откинулся на стуле и постучал пальцами по столу. – Только начал говорить, что родина вас отблагодарит, даже вернетесь в Канаду. Гляжу, а клиент уже уплывает куда-то. Похоже, ничего не скажете. Ладно, если не хотите похорошему...

Он нажал кнопку. Вошел человек в форме (прежние двое куда-то делись), вывел Варламова в коридор и подтолкнул. Спустились по железной лестнице в другой коридор...

– Стоять! Лицом к стене!

Открылась дверь, Варламова толкнули в узкий тамбур, сзади щелкнул замок. Ожидал, что теперь откроется дверь в камеру, но ничего не происходило. Яркий свет лампы с потолка, гладкие железные стены – едва можно повернуться, а присесть вообще невозможно. Еще сильнее стала болеть голова. Сколько собираются держать здесь?

Страшно хочется спать, сознание уплывает, тело сползает по гладкой стене... Больно! Колени стиснуты в остром углу, вдобавок в железо оглушительно ударили, так что голова мотнулась к другой стене... Вот оно что! Ему специально не дают спать. Классическая китайская пытка.

В глаза словно насыпали песок, их режет. Время от времени мучительно дергаются мышцы по всему телу. Режущий свет, боль в коленях и пояснице, иногда оглушительные удары в стены. Сознание будто растворяется в багровом сумраке – ни сна, ни бодрствования. Так проходит вечность...

Какой-то новый звук. Варламов едва не падает в открывшуюся дверь, но его удерживают за шиворот и волокут по коридору. Снова кабинет с дознавателем – на этот раз усадили в довольно удобное кресло, однако запястья оказались в зажимах, а на голову надвинули какой-то колпак, хотя смотреть он не мешал. Похоже, и в России освоили технику чтения мыслей.

– Зря вы меня так... пыткой без сна, – хрипло сказал Варламов. – Тем более ничего не вспомню. Мысли путаются.

– Это ничего, – благодушно отозвался Седов, – да вас и не пытали. Это, чтобы размягнуть мозги и легче было беседовать. А потом сможете поспать.

Разговор пошел странный. Дознаватель расспрашивал Варламова обо всем: о сумасшедшем перелете с Сирином на североамериканскую территорию Ил-Оу, о бегстве в Канаду, о работе. Когда Варламов стал клевать носом, принесли крепкого кофе (по этому случаю правую руку отстегнули), а потом беседа продолжилась. Странно, зачем МГБ-шникам знать такие подробности, вплоть до того, с кем учился в университете Торонто? Впрочем, был в полудремотном состоянии и отвечал машинально. Наконец его отстегнули от кресла, куда-то повели, и он ткнулся лицом в жесткую подушку...

Дознаватель выходит из-за стола и вытягивается перед портретом президента. Тот вдруг меняется: только что лицо было гладкое, а теперь становится морщинистым. Вместо отеческой заботы в глазах недоверие.

– Скрытый допрос и чтение мыслей не выявили искомого, – молодежато докладывает Седов. – Но в психике выявлены две заблокированные области, предположительно связанные с информацией о «чёрном свете». Одна может быть работой канадских специалистов, нам в общих чертах известен их алгоритм. Он весьма эффективен, при попытке ментоскопии носитель информации наверняка погибнет. Вторая область очень странная, у наших специалистов нет даже догадок о механизме блокирования. Все попытки что-то узнать... уходят в никуда, иначе не скажешь. Конец доклада.

Раздается скрипучий голос:

– Есть кто еще, кроме ваших хреновых спецов?

– Есть такой, или точнее такая. Но потребуются экстренный поезд струнной дороги. И она несговорчива, надо припугнуть. У нее вроде общины.

- Достаточно. Поезд разрешаю. В случае отказа уничтожить, сколько понадобится.
- Будет выполнено! Имя – Рогна.

Ненадолго он просыпается: серая тень стоит у койки, и будто ледяные пальцы трогают мозг. Потом снова засыпает и видит сон. Хотя смутно понимает – это не сон. Не бывает таких детальных снов.

Возможность: коммерсант

Он вернулся в Россию, по делам фирмы. Пересек Атлантику на сухогрузе, который доставил в Канаду редкоземельный концентрат и возвращался обратно. В порту Мурманска из трюма извлекли «ровер» Варламова, и после таможенных формальностей он поехал на юг. Ушла назад темная гладь залива, остался позади Мурманск, и Варламов увеличил скорость. Дорога стлалась по лесотундре, то взлетая на холмы, то спускаясь в заросшие мелкоколесьем долины.

Справа замаячила горная цепь Монче-тундры с пятнами снега, и появилось странное ощущение, что недавно ее видел. Только не из машины, а из окна вагона, несущегося над лесотундрой. Дежа вю?.. Шоссе подошло ближе к горам, и показался город: дым из высоких труб и безлесные холмы вокруг. Здесь выплавляли редкие цветные металлы, часть отправлялась даже в Канаду. Но Варламову поручили исследовать возможные рынки дальше.

После города слева долго тянулось озеро Имандра, дорога в Кандалу пересекала пролив по дамбе. Варламов вел машину, поглядывая на волны по сторонам, и через километр выехал на сумрачный Ермошторов. Слева все так же плескались волны, а справа на фоне ельника показалась темная фигура с поднятой рукой. Варламов скрипнул зубами, сбавляя скорость. Подвозить никого не хотелось, но помнил, как Джанет попросила остановиться ради Эмили. Та их и спасла...

Сначала проехал мимо, разглядывая хайкера. Темная одежда до пят, похожа на подрясник. Бледное лицо, длинные волосы, борода – священник или монах. Рука поднята неуверенно, а вид голодный. Варламов вздохнул, остановился и приспустил стекло. Путник подбежал рысцой и искательно заглянул в машину:

– Христа ради, подбросьте до города. Звать меня отец Вениамин.

Вид изможденный: щеки впалые, острый кадык. Варламов пожал плечами:

– Садитесь. А меня Евгением.

Как-то забыл, что в России принято по имени-отчеству. Попутчик забросил котомку назад и сел на правое сиденье. Варламов поморщился (разило немытым телом), а потом тронул машину.

– Куда путь держите?

Странник неопределенно повел плечами:

– Вообще-то отец-настоятель на Соловки отправил, на послушание. Но не знаю.

– Пешком? – удивился Варламов. Хотя как-то слышал, что Соловецкий монастырь вновь стал местом ссылки для неугодных священнослужителей. Покосился на пилигрима:

– Есть хотите?

Тот несколько секунд крепился, потом молча кивнул.

Варламов снова остановил машину, на всякий случай выключил зажигание и вышел. Из багажника достал термос с кофе и бутерброды.

– Ешьте, – протянул все попутчику. – Только у меня бутерброды с колбасой, а сегодня среда, у православных вроде постный день.

– В дороге позволительно, – и странник запихал в рот половину бутерброда.

Поехали снова. Возвращение в Кандалу прошло обыденно: Варламов свернул с трассы и въехал на улицу между пятиэтажек. На рябинах едва проклюнулись листочки, машин было побольше, чем в прежние времена, появились и светофоры. Увидев церквушку, отец Вениамин попросил остановить: надеялся найти приют на ночь. Договорились, что потом Варламов заедет за ним.

Вот и родной дом – двухэтажный особнячок, скромный на фоне просторных домов Канады, а рядом канцелярия градоначальника. Варламов знал, что теперь им сводный брат

Семен. Не стал звонить из Мурманска, хотел нагрять неожиданно, но сюрприза не получилось, дверь открыла незнакомая женщина – как оказалось, жена Семена.

– Мы вас ждали, – улыбаясь, сказала она, – нам сообщили, что приедете. Ваш брат сейчас на работе, можете зайти к нему. А отец вышел на пенсию и живет с... – она запнулась, наверное вспомнив, что Марьяна приходится Варламову мачехой. – Он и Марьяна Петровна живут неподалеку. – И сказала адрес.

Еще одно разочарование – обе сестры вышли замуж и уехали из Кандалы: одна под Петербург, а другая на юг. Варламов побрел по указанному адресу, но нашел в квартире только постаревшую Марьяну.

– Отец на рыбалке, – заявила она, неприязненно оглядывая Варламова. – Завтра вернется, хотел тебя повидать.

– А что с Ирмой, не знаете?

– Любовь твоя бывшая? Тоже вышла замуж и уехала куда-то.

Марьяна предложила чаю, но Варламов отказался. Вышел под мелкий дождик и огляделся. Все знакомо: пятиэтажки, невысокие рябины вдоль улицы, сопки с пятнами снега. Он не испытывал радости, все скучно и серо. Надо переговорить с Семеном – есть ли возможности для канадского бизнеса в Кандале? – а завтра встретиться с отцом и ехать дальше. «Ровер» придется погрузить на платформу струнной дороги, заодно познакомится с возможностями перевалочного узла.

Семен не был занят и принял Варламова. Кабинет не изменился, только появился портрет президента Московской автономии. Лысый череп, морщинистое лицо, пронзительные глаза. Похоже, влияние Москвы на Карельскую автономию за последние годы усилилось.

Братец за эти годы заматерел: лицо стало почти квадратным, а серые глаза водянисто-холодными. Он расспросил о жизни в Канаде (Варламов привычно полез в бумажник за фотографиями Кэти и Ивэна), немного рассказал о своей. Градоначальнику в Кандале сейчас приходилось нелегко. С достройкой струнной дороги морской порт почти потерял значение, из производств оставался только алюминий, разведение семги и обслуживание струнной дороги, так что половина населения города уехала в южные Автономии. Похоже, особых возможностей для бизнеса не просматривалось.

Семен предложил переночевать у него, и Варламов после некоторых колебаний согласился: вряд ли еще побывает в родном доме. До конца рабочего дня оставалось много времени, так что сел в «ровер» и бесцельно поехал по знакомым улицам. Остановился напротив порта: вода синела по-прежнему, но крупных судов не было, только несколько сейнеров. Зимой море покрывалось льдом, так что для логистики порт особого интереса не представлял.

Варламов поехал дальше. Дорога пересекла реку, где между камней еще таяли льдины, и пошла в гору. Похоже, он машинально выбрал путь, по которому когда-то покинул Кандалу, а затем и Россию. Ну что же, вспомним былое... Опять сосны, голубой простор моря, вот и перевал. Каменистые склоны поднимаются к языкам снега в ложбинах, вдали синеют сопки с тускло белыми верхами, там уже Тёмная зона. «Ровер» легко покатылся вниз и вскоре достиг участка, где раньше была плохая дорога.

Тут ожидал сюрприз: дорога в прекрасном состоянии, но дальше – «кирпич»! Скорее всего, военный аэродром еще в строю. Нет бы, повесили при выезде из города. Варламов в замешательстве остановил машину и огляделся. Слева из леса выходила насыпь железной дороги, когда-то она вела в обход сопки к базе атомных подводных лодок. Поговаривали, что от дороги отходит ветка к странному месту, заброшенному руднику, куда в прошлую войну был нанесен ядерный удар. Однако те немногие, кто видел рудник, клялись, что постройки там остались целы и невредимы.

В прошлом Варламов несколько раз пытался разглядеть рудник с сопки вокруг Кандалы, но тщетно. А интересно, пройдет ли «ровер» по железнодорожному полотну? Его как раз пере-

секает разбитая лесовозная дорога... Варламов свернул, «ровер» без труда взобрался на насыпь и бодро покатил по шпалам. Рельсы давно сняли, наверное на металлолом, а мелкая поросль не была помехой.

Вернулось мальчишеское возбуждение, вот и поищет ответ на старую загадку! Чуть позже пришло отрезвление: а вдруг попадется разрушенный мост или другое препятствие? Ведь «роверу» не развернуться на узкой насыпи. Но делать уже нечего. Долина между сопкок постепенно расширилась, и через полчаса Варламов достиг разъезда. Тут рельсы сохранились, и «роверу» пришлось попрыгать через пути, к счастью вездеходные качества были на высоте. Станционные здания оказались заброшены, а железная дорога здесь раздваивалась: левый путь уходил вдоль речки к мурманской магистрали, а правый...

Варламов озадаченно смотрел на дисплей навигатора. Виден разъезд и все детали рельефа – правая долина постепенно сужается, и ее все теснее обступают сопки, – но не показан ни рудник, ни железная дорога. Их словно нет! Настолько засекречены, что не нанесены на карту? Ладно, раз уж так далеко забрался...

Вдоль железнодорожного полотна вела заброшенная дорога. На нее нанесло песка, и временами пересекали ручьи, но для «ровера» это не было проблемой – покрытые снегом сопки становились все ближе. Постепенно стало казаться, что он снова в поезде и едет с мамой к ледяному морю. Слегка закружилась голова...

Варламов вздергивает ее – это надо же, едва не заснул за рулем! – хорошо, что дорога широкая. Затем несколько раз моргает. Бесплезно... Словно холодные пальцы пробегают по спине. Варламов останавливает машину и, стиснув зубы, осматривается: только что была робкая северная весна, а теперь зима! Снег присыпал дорогу, снег укутал деревья белыми пеленами, снег курится из оврагов по склонам. Сопки высются угрюмыми белыми горбами. Кажется, слышен далекий свист пурги.

Что случилось, куда он попал? Разве может так медлить зима? И сумрачно кругом – то ли опускаются зимние сумерки, то ли заехал в Лимб.

По спине Варламова словно протекает ледяная струйка. Он неуверенно трогает машину, хотя лучше бы развернуться и ехать обратно... А дорога-то хорошо накатана! По обочинам снежные валы, будто периодически проходит грейдер. Только вот дисплей пуст! То есть карта на месте, но больше не сдвигается, показывая тот же разъезд и местность вокруг него. А зачем сдвигаться: стрелки, обозначающей положение «ровера», тоже нет. Словно спутники исчезли с орбит, или Варламов оказался на другой планете.

Как высоки здесь деревья, будто это все-таки Лимб! Заснеженные ели почти смыкаются над белой дорогой, словно туннель ведет в зачарованную страну. Но вот он размыкается, а деревья заметно ниже. Наверное старая гарь, из сугробов торчат обугленные стволы. Потом появляются темно-серые насыпи, похоже на отвалы горных выработок. Ну да, здесь же был рудник.

Дорога поворачивает к речке, и тут из леса выныривает железная дорога – мост оказывается общим и для нее, и для автотрассы. Конечно, светофор не работает, «ровер» въезжает на мост, и становится жутковато: у моста нет сплошного покрытия, и сквозь решетку видно, как внизу несется темная вода с барашками пены.

За мостом машина съезжает на обычную дорогу, и над железнодорожными путями вырастают угрюмые фабричные здания. За рельсами низкий перрон, в тени фабричного корпуса прячется небольшое здание вокзала с темными окнами. Варламов выворачивает руль, и бедный «ровер», прыгая козлом, выбирается на перрон. Струи поземки бегут по серому бетону. Варламов разворачивает машину, но медлит ехать обратно. Когда здесь в последний раз были люди?

Не глуша мотор, он выходит, и ледяной ветер обжигает лицо. На путях несколько вагонов, у вокзала автобус со спущенными шинами, а рядом с Варламовым – статуя сидящего чело-

века. Что-то странное: зачем поставили статую посреди перрона?.. Варламов делает несколько шагов. Голове и так холодно в легкой кепке, но теперь затылок будто стягивает ледяная корка. Что за сумасшедший изваял эту статую?

Воин в латах – железная юбка касается бетона – сидит, широко расставив ноги и уперев руки в колени. Наплечники делают фигуру почти квадратной. Из-под стального шлема смотрят узкие глаза, углы рта опущены, словно в жестокой гримасе, а на поясе два меча. Статуя японского самурая – будто охраняет заброшенный рудник в Карельской автономии. Варламов ежится: воин глядит так пристально, будто вот-вот заговорит. Боязливо протягивает руку и, не осмеливаясь коснуться лица, дотрагивается до пальцев. Облегченно вздыхает – холодный металл.

Еще некоторое время глядит на статую – ветер завывает среди железных конструкций, снежинки холодно касаются лица, – потом поворачивается, чтобы идти к «роверу»... И застывает: перед ним стоит человек, в одном темном халате, несмотря на мороз. Лицо узкое и белое, и такая же белая рука лежит на рукояти меча. Глаза то ли прищурены, то ли слегка раскосые. Опять самурай, только на сей раз живой! Варламов судорожно вздыхает и пятится, пока не упирается спиной в ледяной металл статуи. Раздается голос, будто скрежет железа по стеклу:

– Ты отступаешь, не открывая спину? Это благоразумно. Но я не вижу у тебя оружия, а это глупо.

Колени Варламова становятся ватными, в этот раз он безоружен.

– Кто ты? – сипло спрашивает он. – Хотя постой, я узнаю тебя.

– Мы встречались на другом континенте, – тонкие губы слегка кривятся. – Но не в этом мире, а в том, что вы называете Тонким.

– Темный воин? – шепчет Варламов. — Но то был персонаж из виртуальной реальности...

– Пожалуй, тебе пора познакомиться с моим мечом, – следует насмешливый ответ. – Твоя шея почувствует, реально стальное лезвие или нет. Впрочем, не обязательно спешить, перед смертью люди бывают занятыми собеседниками. Чего-нибудь выпьем для начала, здесь есть буфет.

Обходит Варламова, задев его ножами меча, и идет к вокзалу. Какой буфет? Тридцать лет прошло, как здесь кто-то обедал. Но делать нечего, и Варламов плетется следом. Дверь со скрипом отворяется, внутри пыльно и сумрачно. К его удивлению, загорается тусклый желтый свет. Самурай берет со стойки два стакана и ставит на столик, а из-под полы халата достает фляжку.

– Позаимствовал тут у одного, – неопределенно говорит он, – хотя жуткая дрянь. Садись! Варламов садится на стул, сиденье ледяное.

– Выпьем за твою смерть, – поднимает стакан собутыльник. – Согласись, она будет поэтичнее, чем в каком-то американском отеле. На твоей родине, под летящим снегом.

Шутник хренов. Варламов скрипит зубами, однако пьет, не хочется праздновать труса. От жидкости дерет горло, похоже на сырой спирт. И закуски нет.

Самурай пьет медленно, двигая кадыком. Ударить бы по нему ребром ладони, но видно, что другая рука на эфесе меча. Небось, того и ждет.

– Хотел спросить у тебя, – собеседник ставит стакан. – Когда всё наконец закончится: поколотите друг друга, снова придет Распятый. Что дальше? Будете петь Ему осанну? Не слишком ли скучный конец?

– Не понимаю, – тупо говорит Варламов.

– Я про конец времен. – Глаза его недруга похожат на перламутровые раковины с черными дырочками зрачков. – До него осталось всего столетие или два, хотя ты не доживешь. Армагеддон и прочая библейская чепуха. Но многое действительно сбудется.

– Никогда не задумывался, – тоскливо отвечает Варламов. Голова слегка кружится от выпитого зелья, а тут еще этот бред.

– Так подумай, – насмешливо советует собеседник. – Пока есть чем.

Юмор висельника, хотя висельник-то скорее он, Варламов. Что бы сказать этому липовому самураю? Что-нибудь из литературы того же сорта, благо почитывал после встречи с Морихеи... Вот оно, о «Великом пределе»!

Варламов откашливается и говорит:

– Один японец писал, что события имеют в себе скрытую тенденцию к противоположности. Она особо проявляется, когда явление достигает своего апогея, Великого Предела. После этого обычно следует провал в противоположность. Так что, если настанет рай на Земле, то возможно он каким-то образом обратится в ад. Или что-то подобное. Вы-то наверное увидите.

– Гм, – собутыльник ухмыляется. – Интересная мысль. Пожалуй, я дам тебе меч, умрешь как воин.

Толку от этого. А собеседник выпрямляется гибко как кобра... и тут же садится обратно.

– Ну вот, – говорит невесело. – Только хотел поразвлечься...

Легкий шелест в воздухе. Аромат роз или иных цветов – Варламов не помнит такого запаха. Женщина вдруг оказывается за столом, и сердце приостанавливается, а потом начинает стучать с переборами.

– Это опять Ты? – хрипло говорит он, пытаясь разглядеть лицо женщины, но оно словно скрыто жемчужной вуалью. Черные глаза мимолетно смотрят на Варламова, и он испытывает будто удар. Тотчас женщина отворачивается.

– Вы забыли про меня, мальчики, – голос колеблется как струна, и насмешка слышится в нем. – Особенно ты, Тёмный. Я не хочу тратить время, подбирая сотрудников взамен убитых тобой.

– У тебя, и мало времени?

– Не имеет значения, Тёмный, – высокомерно отвечает незнакомка. – Кстати, когда ты не можешь орудовать мечом, то опускаешься до булавочных уколов.

Слышен скрежет – не сразу понятно, что это скрип зубов.

– Пожалуй, я оставлю вас, – тот, кого называли Тёмным, вскакивает со стула. – Приятного свидания!

– Еще одна шпилька, – тихо смеется гостья. – Как по-женски!

Дверь хлопает, едва не слетев с петель, и Варламов остается один на один с женщиной. Какое свидание, у него вот-вот остановится сердце! По всему телу выступает холодный пот.

– Ты пьешь с исчадиями ада, – укоризненно звучит голос, – но не со мной. Налей мне и себе.

Она кивает на фляжку, оставленную на столе. Хотя рука Варламова дрожит, он кое-как разливает спирт. Поднимает свой стакан.

– Постой, – женщина касается его руки.

Будто электрический ток пронизывает тело. В тонкой белой руке оказывается небольшой кинжал и надрезает палец Варламова. Женщина больно стискивает его над стаканом, и туда падает капля крови – слабая розовая муть... Незнакомка берет этот стакан и подносит к губам.

– За тебя, – говорит она. – И за Джанет. Она сделала выбор. Точнее, сделает, но это неважно.

Варламов тоже пьет, и это не спирт: лучше вина он никогда не пил. Голова сразу идет кругом.

– До свидания, – слышит он, и еще некоторое время не может прийти в себя.

Наконец унылый свист ветра проникает в сознание, а цепенящий холод – в тело. В полутьме виден замусоренный пол, помещение пусто. Варламов с трудом встает на затекшие ноги и идет к двери. «Ровер» на месте, двигатель работает. Варламов делает шаг к машине и...

Проваливается в глубокий снег. «Ровера» нет, как нет железнодорожных путей и вокзала. Вокруг ели, а выше белеют склоны сопки. Ущелье впереди смутно знакомо: по скалам карабкаются деревья, одетые снегом. Сильно болит голова... Что же с ним сегодня происходит?!

Какая-то хижина среди елей, над ней дымок: охотники или рыбаки? Варламов пробирается по колено в снегу и дергает дверь.

Это не хижина! Роскошный стол из темно-зеленого камня, в центре серебряный канделябр, и на нем горят свечи. У стены камин, пламя облизывает поленья. Он уже был здесь, в далекой теперь Америке – только в реальности, или в бреду? Стены уходят ввысь, кое-где картины, вдоль стен шкафы, ручки ящиков поблескивают серебром. Полная тишина, потом раздается стук. Все повторяется!

– Войдите, – устало говорит Варламов. Неужели снова Лилит?

От сквозняка клонится пламя свечей, и входит женщина, но другая. Не нагая, а одетая в темный плащ, на суровом изможденном лице светятся голубые глаза. Не блудница, а скорее ведьма.

– Евгений Варламов, – хмуро представляется он. – Здравствуйте. Это ваш дом?

– Ты забыл, что он твой! – голос женщины режет уши Варламова, свист пурги слышится в нем, и мурашки бегут по спине. Как при встрече с Ренатой...

– У тебя Дар, – с трудом выговаривает он. – Что ты сделала со мной?

– Вспомнил Ренату? А меня зовут Рогна. Предложи, наконец, даме сесть.

– Садитесь, – Варламов отодвигает тяжелый стул.

Женщина садится, и снова колышется пламя свечей. Странно – их то с десяток, то не сосчитать.

– Все-таки, зачем я тебе?

– У тебя плохая память. Ты забыл, что находишься в тюрьме Московской автономии, и у тебя выпытывают секрет «чёрного света». К счастью, его ты тоже забыл.

– В тюрьме? – Варламов оглядывает роскошную обстановку.

– Ну да. Твое тело дрыхнет на тюремной койке, а твою мелкую душонку я выдернула сюда, чтобы разглядеть получше.

Наверное, следует обидеться, но не выходит.

– Это все сон? То-то я...

– Это реальность! Первая и самая плохая, к счастью, тебя миновала. Этот вариант не состоялся. Ты видел его как бы во сне, в поезде струнной дороги. Сейчас ты пережил свое возвращение в Россию, каким оно могло быть. Эта реальность самая лучшая, но она тоже утеряна, хотя кое с кем из нее ты встретишься. Теперь у тебя осталась только одна – обычный средний путь! А здесь... Это твой вечный дом, и можешь остаться в нем навсегда.

– А как же Джанет?

– В этом все дело. Именно поэтому и был создан ваш мир.

– Не понимаю, – устало говорит Варламов. – И зачем я тебе? Ты можешь тасовать реальности как карты, а почему-то возишься со мной... Хотя понятно, тебе приказали выпытать секрет «чёрного света». Похоже, я знал его когда-то.

– Ты бываешь догадлив. Но мне никто не приказывает! – От ярости в голосе Рогны у Варламова ноют зубы. – Просто у меня свой народ, и я должна заботиться о нем.

– Я не должен был оказаться в этом ущелье, – вспоминает Варламов. – Никогда больше. Все-таки, ты нашла дорогу сюда.

– Секрет здесь, – кивает Рогна. – Но я не могу его раскрыть. Тут пусто, только скалы, ели и снег. Дорога закрыта даже для меня. Нужен...

Она медлит.

– Ты не так прост, как кажешься. Ты видел Владычицу. Я смотрела, как Она выпила вино с капель твоей крови, и неважно, в какой это было реальности. Она выбирает место и время,

и сделанного уже ничто не отменит. И Рената правильно увидела твою судьбу... «Любовь... – передразнила она голосок Ренаты. – Старое слово, холодное слово, печальное слово». Но помни! – на этот раз у Варламова заныли кости. – Люди ошибаются, когда думают, что любовь это хрупкий цветок. Любовь – страшная сила, именно ею Всевышний творит миры. Ты отмечен Хозяйкой Сада, ты можешь открыть запретную дверь. Даже когда все будет рушиться, ты можешь коснуться источника всеначальной энергии, и мир послушно замрет над пропастью. Тебе надо лишь захотеть – всем сердцем и всею силою своей души...

Наваливается безмерная тяжесть и холод. Сердце едва трепыхается в груди. Перед глазами опускается темная завеса, комната с канделябром исчезает. Потом волосы мягко касаются лица Варламова, прохладные пальцы трогают лоб, и слышится тихий речитатив:

*«Через душу мою молчаливо
Изливается неба поток,
Сохнут разума скорбные нивы,
И найти я дороги не смог,
Чтобы стать, как ребенок, счастливым»¹*

Волны укачивают его, унося в сумрак...

¹ Гийом Аполлинер

2. Хаос и цветок

Рабочий кабинет президента, точная копия оставшегося в Кремле. В кресле за столом сам президент: морщинистое лицо, холодные блеклые глаза. Перед столом на стульях сидят двое. С одного, повинаясь жесту президента, встает и направляется к выходу майор Седов, на другом черным вороном нахохлилась Рогна. Президент ждет, пока закроется дверь.

– Итак, нам необходимо в Москву? – скрипуче спрашивает он.

– На набережную у храма Христа Спасителя, – голос Рогны звучит как посвист метели.

– Вместо него со временем будет храм Трехликого, но Трое уже являются туда. Один... одна из них поможет нам, для нее нет завес.

– Я знаю, о ком ты. Но она капризна, если откажется?

– Тогда можете попросить вы, господин Президент, у главного из троих. Но это нужно сделать лично... изъяснив почтение.

Молчание.

– Служба охраны организует поездку. Вас известят.

Интерлюдия: хаос

Сюда поздно приходила весна, из-за накопленной энтропии снег не таял до середины лета. Среди снежных гор человек жил совсем один. Много раз пытался уйти на лыжах, но невидимая ограда никуда не делась: он и не замечал, как менял направление, а скорее всего этого не делал, но в сумерках снова видел за деревьями постройки института. Может, это и к лучшему: наверное на сотни километров вокруг не осталось живой души.

Вот и сегодня после бесплодной прогулки он растопил печь и отогревал пальцы у огня. Редко включал спутниковый Интернет из боязни потратить остатки дизельного топлива, и только работа не давала сойти с ума.

Но сегодня к нему пришел гость. Человек отвык от этого зрелища: раздался тихий звон, словно осыпались ледяные кристаллы, и посреди комнаты полыхнуло синее пламя. Вскоре оно сгустилось в прямые линии, обозначив дверной проем. В нем появился некто в темном одеянии, зеленые брызги загорелись на ножнах меча.

– Привет, Роман! – сказал он, и, не глянув на стулья, сел на пол. По углам сгустились тени, комната будто съежилась.

– Привет! – хмуро ответил тот, кого называли Романом. – Давненько ты меня не навещал.

– Тридцать лет, – небрежно отозвался гость. – Но ты почти не изменился. Ведь ты теперь один из нас.

– Это только слова, – кисло сказал Роман, – сижу взаперти. А ведь обещал путешествия. Я тоже хочу вот так... – Он указал в сторону пламенеющего проема, но тот исчез, и человек разочарованно опустил руку.

Собеседник пожал плечами:

– Ты же не захотел поделиться секретом.

Роман хмыкнул:

– А ты бы оставил меня в живых? И вообще я думал, что исчадия ада знают все.

– Не совсем, – угрюмо ответил гость, и огонь в печи померк. – Люди в своем маленьком мире порой измысливают такое, что трудно придумать привыкшему к иному масштабу разуму Владык... Но сейчас речь не об этом, под вопросом твоя жизнь. Как и жизнь всех людей на Земле.

Роман хрипло рассмеялся.

– Опять? В результате прошлой войны погибло полмиллиарда человек, и в основном по моей вине. Я самый массовый убийца в истории человечества.

– Не преувеличивай, – сухо сказал гость. – После тебя над оружием работал целый институт. И тогда никто не знал, что это можно использовать как оружие.

В наступившем молчании потрескивал огонь в печи.

– Ладно, – на щеках человека по имени Роман вздрагивали красные отсветы. – И что на этот раз?

В надменном тоне его собеседника впервые скользнуло раздражение.

– План изменен! Всего столетие или два осталось до Великой битвы, но похоже, ее не будет. Вы даже не знаете, какой мощью обладаете. Слишком сильное излучение боли и страданий исходит от Земли, и равновесие нарушено. Решено не дожидаться Армагеддона, а тихо рассортировать человечество по разным уголкам вашего планетарного космоса. Люди будут просто просыпаться в другом мире. Не пройдет и нескольких лет, как Земля опустеет.

Роман с минуту молчал. Потом криво усмехнулся:

– И вам, воплощениям тьмы, нечего будет делать? Какое горе.

Он наклонился и достал из тумбочки бутылку и два стакана.

– Обыкновенный самогон, – грустно сказал он. – Мог бы занести бутылочку хорошего вина. Правильно говорят – исчадия ада много обещают, но мало дают.

Темная фигура шелохнулась. Показалось – сейчас вскочит и выхватит меч. Но лишь улыбнулась, на миг показав красноватые зубы.

– Перестань называть меня исчадием ада. Я просто дольше живу и приобрел кое-какую мощь. А что до света и тьмы, то это субъективное деление. Кто-то считает себя в лагере света, кто-то тьмы, но настоящий враг у тех и других один – хаос.

Роман пожал плечами и подал ему стакан.

– Выпьем за человечество. Оно много страдало и на многое надеялось. А теперь, значит, всему приходит конец. Но это не такое большое изменение плана. Что в конце собираются отделить овец от козлищ, об этом есть в Апокалипсисе.

Гость взял стакан тонкими белыми пальцами:

– Читал Библию? – усмехнулся он. – Ну да, у тебя же есть время.

Он сделал глоток и поперхнулся.

– Ну и дрянь. Мог бы сделать систему очистки получше.

– Не до этого, – тускло улыбнулся Роман и стал жевать галету. – А что будет с Землей? Неужели и ее уничтожат?

Его собеседник не стал закусывать, поставил стакан на пол.

– По слухам, – осторожно сказал он, – отведут под животный мир. Собственно, так и планировалось вначале. В океанах будут плескаться дельфины, а на суше процветать сообщества животных. Может быть, их даже наделят разумом. Конечно, не в такой степени, как человечество. Не хотят повторения ошибок.

Роман хмуро посмотрел в окно. Из темноты густо полетели снежинки, словно рой белых ос.

– А при чем здесь я? Если Высший разум решил, так и будет.

Пришелец вдруг выпрямился как темная пружина и оказался у окна. Стал вглядываться во тьму, а пальцы легли на рукоять меча.

– Не обязательно, – сказал он, не оборачиваясь. – Ты невнимательно читал Библию. Иногда Он менял решение из-за людей. Ты у нас умный, потому и стал избранным. Вот и придумай что-нибудь.

– Но... – начал Роман.

И осекся. Гость приложил палец к губам, ступил ногой на подоконник, как-то странно изогнулся и исчез прямо сквозь стекло. Белый рой устремился вслед. Огонь в печи затрещал и рассыпался, осталась только россыпь красных углей в темноте...

Роман идет по коридорам, и в желтом свете редких лампочек его тень то грозно вытягивается вперед, то жалко съезживается у ног. Он рискнул включить аварийный генератор. Вот и знакомая дверь, за тридцать лет лаборатория стала домом, часто ночевал тут.

Конечно, оборудование примитивное, сейчас заказал бы получше, только где? Но и его хватило, чтобы вызвать на Землю мощь, от которой даже днем померк свет. Интересно, как человечество использовало бы ее, если не война?.. Только это праздный вопрос: физика нужна людям лишь для создания оружия. Так стоит ли действительно человечеству существовать дальше?

Но этот философский вопрос пока оставим. А вот слова о хаосе любопытны. Ведь если темную энергию можно сконцентрировать плазменной линзой, то можно запустить и обратный процесс: уменьшение плотности энергии должно по идее привести к разрушению глюонной структуры. Хотя процесс пойдет медленнее из-за отсутствия энергетической подпитки из поясов Ван Алена, но пусть не все мироздание, а часть его обратится в хаос. Так что если изменить конфигурацию магнитного поля...

Роман садится за компьютер. В темном окне мелькает снег, а по лицу человека бегут цветные тени – словно в электронном мире наступило лето, и бабочки порхают по экрану монитора. Но это только трехмерные графики, и все гуще осыпается черный пепел цифр.

Вот и все!

Роман откидывается на спинку стула и кривит губы в усмешке. Похоже, человечество наконец сравнялось с Всевышним, по крайней мере в способности к абсолютному уничтожению. Надо же, раньше и в голову не приходило. Ладно, сейчас он пойдет к экспериментальной установке. Пусть мощность невелика, но процессу стоит только начаться... Так значит, по прекрасной и безлюдной Земле будут бродить животные, а дельфины резвиться в морях? Это мы еще посмотрим.

Варламов не знал, сколько проспал. Очнувшись в обычной камере, принесли неплохой завтрак. Но голова по-прежнему болела, а на душе будто кот нагадил. Со скрежетом открылась дверь, и вошел майор Седов.

– Собирайтесь, – сухо приказал он.

– Нечего собирать, – неприязненно ответил Варламов. – Только куртку надену.

Снова сумрачные коридоры, замкнутый двор, автофургон. Ехали минут десять, под конец почему-то вниз. Когда дверь открылась, вышли на... перрон. Серые бетонные стены, рельсы внизу, как в метро.

И в самом деле оказалось метро: подкатил поезд из нескольких вагонов с зеркальными окнами. Двери второго вагона открылись, и дознаватель легонько подтолкнул Варламова внутрь. Изнутри окна, как темные зеркала. Двери закрылись, но было слышно, как открываются и закрываются в других вагонах. Снова легкое шипение, и в открывшемся проеме появилась... Рогна. Она мельком глянула на Варламова и села поодаль. Майор Седов устроился напротив. Тронулись.

Странно, откуда в небольшом городе (географию Московской автономии учил еще в школе) взялось метро? Но пол вагона слегка накренился, похоже поднимались на поверхность. В окнах все равно ничего не появилось, а дальше поехали как будто по обычной железной дороге, хотя остановок не было. Перестук колес навевал дремоту...

Он проснулся от скрежета колес, поезд стал. Шея затекла, и Варламов покрутил головой. Двери открылись.

– Выходим! – приказал Седов. В голосе слышалось напряжение.

Варламов и Рогна вышли, следом дознаватель. Из заднего вагона тоже появились двое в форме и с автоматами. Держались поодаль, наверное охрана. Седов показал, в какую сторону идти. Станция больше и роскошнее: колонны из мрамора, сводчатый потолок тонет в полумраке. Варламов и Рогна идут рядом, следом Седов с охраной. Какое-то движение у поезда...

– Не оборачиваться!

В конце станции поднимаются по широкой лестнице. Вестибюль с несколькими выходами.

– Прямо! – командует Седов.

В переходе пол из красного гранита с серыми полосами. Сзади слышны гулкие шаги. Неожиданно выходят в обширный каземат без признаков недавнего великолепия: желтоватый свет, серые стены, две громоздкие машины на бетонном полу. Одна – лимузин с тонированными стеклами. Другая – БТР на массивных колесах, из хищно заостренного носа торчат стволы пулеметов. Сзади нагоняют двое, склоняются у какого-то агрегата возле стены, тот чихает и начинает тархтеть. Генератор для зарядки электропоезда?

– В машину! – командует Седов. Даже предупредительно открывает среднюю дверцу. Варламов с Рогной забираются внутрь: комфортабельно, хотя и тесно. Сзади глухая перегородка, наверное отделение для важных персон.

Двое охранников встают по бокам машины, не давая увидеть, кто садится сзади. Слабо чмокают дверцы, спереди усаживается водитель, рядом майор Седов. Скрежешут, раздвигаясь, ворота. Поехали.

Снаружи сумрачно, в окнах зданий красновато отсвечивает солнце. Лимузин поворачивает налево, и видно, что следом катится БМП. А еще вдали маячат силуэты небоскребов: так это Москва? Значит, ехали по обычной железной дороге, а в город въехали по туннелю метро.

Не чувствуется обычного покалывания иголок по коже, видимо лимузин хорошо защищен. Только сумерки навечно сгустились в ущельях улиц – «чёрный свет», когда-то упавший на мир, все еще медлил здесь. Впереди торчат обугленные остовы, наверное одно из мест, по которым был нанесен ядерный удар. Справа открывается панорама: за стеной из черного колючего кустарника (как это памятно по Америке!) высится златоглавый собор, в центре большой купол, по сторонам поменьше. Смутно знакомо... Да это же храм Христа Спасителя, видел в странном сне во время бегства в Канаду!

– Поверните направо, – голос Рогны, как шипение змеи. – Мы должны огибать храм посолонь. Так... Остановите.

Она слегка поворачивается к перегородке: – Нужно пройти хотя бы часть пути пешком. Три лика ценят почтение.

Лимузин останавливается. Седов сует Варламову и Рогне по увесистой коробке с ремешком.

– Пристегните к поясу, это защитит от излучения.

Коробка слегка жужжит и теплая на ощупь. Знакомо, такие устройства создают энергетическое поле вокруг человека и позволяют несколько часов находиться в Тёмной зоне. Очень дорогие, вряд ли такие выдают каторжникам на строительстве струнных дорог. Затем Седов выходит и открывает дверцу для Варламова с Рогной, жестом приказывая отойти в сторону. Неприятный холодок на лице, легкий озноб пробегает по телу. Но с устройством относительно безопасно.

Открываются дверцы сзади, справа выходит охранник и слева выходит охранник. Появляется низкорослый человек с морщинистым лицом. Блеклые глаза, взгляд исподлобья, не говорит ни слова. Да это же президент Московской автономии!

– Здравствуйте, – вежливо говорит Варламов.

Президент не реагирует, лишь тычет рукой вдоль улицы – там за парой кварталов видна река.

– Идемте! – приказывает Седов.

Варламов с Рогной идут впереди, следом президент со свитой, лимузин медленно следует. За черным кустарником высятся стены и купола собора, округлой белизной выступают из сумрака его апсиды. Внутри в темноте скрывается страдающий лик Христа, но вряд ли его озаряют огоньки свечей...

Раздается скрип, словно отворяется некая дверь. Шорохи по мостовой, какое-то движение слева и справа. Чаше бьется сердце, Варламов оглядывается.

Вот они, стражи мертвого города! Но это не черные волки, с которыми повстречался в Америке, а огромные псы на длинных ногах: хвосты не вытянуты «поленом» и вздрагивают черными крюками. Не спеша бегут следом, морды выше брошенных автомобилей. Если черные волки – свора Тёмного охотника, то чья это свита?

Президент ныряет в лимузин, следом один охранник. Хлопают дверцы, пулеметы БМП грозно поворачиваются...

– Не стрелять! – кричит Рогна. – Они порвут нас в мгновение ока.

И тише добавляет: – А так, может быть, не тронут.

Уверенности в голосе нет. Она толкает побледневшего майора Седова: – Идемте к реке. Там нужное место, между храмом и восходом солнца.

Ноги Варламова заплетаются, а мысли скачут. Дикie собаки могут быть опаснее волков: откуда они взялись, на кого охотятся здесь?.. Сумрачные скверы, брошенные машины, какой-то памятник справа, и черные львы скалят клыки по его сторонам. Что за сумасшедший зоопарк?

А вот и Москва-река. Варламов останавливается, весь дрожа. Седов, Рогна и охранник остались сзади. Беззвучно подкатывает лимузин и встает поодаль, за ним БМП. Набережная пуста: ни одной машины, гранитные ступени ведут к реке. В темной воде змеится красный огонь. Варламов поворачивается: справа мрачно краснеют стены Кремля, а впереди тускло блестит купол Христа Спасителя.

Он уже был здесь! Во сне, в далекой теперь Америке, он видел этот город на берегу мертвой реки! Что дальше? Опять явится троица демонов? Не для свидания ли с ними его привезли?

Рогна поворачивается к сумрачному храму, воздевает руки и... начинает петь. На этот раз мороз пробирает до костей. Слова не различить – словно вьюга завывает вдоль невидимых стен чего-то огромного, выше собора Христа Спасителя. Руки падают, Рогна поворачивает посеревшее лицо к майору Седову.

– Они придут, – голос звучит хрипло. – Скажите президенту, чтобы выходил...

Она не договаривает. Раздается рык, мостовая сотрясается, и колени Варламова слабеют – это рычат псы, задрав морды к темному небу. А потом один замолкает и скользит ближе... Время будто замедляется. Охранник начинает поднимать автомат.

– Нет! – кричит Рогна.

Дальше запомнились только отдельные кадры.

Охранник стоит с поднятым автоматом... но вот автомата и обеих рук уже нет... взмываются два красных фонтана, какие-то куски летят в реку... мостовая пуста. Стволы пулеметов БМП резко опускаются... но молниеносные черные тени уже там... непонятно как открываются люки, снова красные ошметки летят за колючую ограду кустов. Майор Седов бежит к лимузину президента, выписывая зигзаги...

Варламов с трудом отрывает глаза от жуткого зрелища, едкая горечь подступает к горлу, еле успевает согнуться, чтобы вырвало на мостовую. Визг шин – это лимузин президента несется задом по улице, наверху разворачивается и исчезает из виду.

– Теперь будет драпать до самого Владимира, – тускло говорит Рогна. – Трус.

Дыхание со всхлипами вырывается из груди Варламова, вот-вот псы накинутся на него! Но те вдруг застывают как изваяния из антрацита.

– Пожалуй, я пойду, – устало говорит Рогна. – Все пошло не по плану, но ты выживешь. А вот мне может не поздоровиться.

– Куда ты? – хрипло спрашивает Варламов. – Президент наверняка уехал.

– Там еще дрезина в туннеле, подстраховывает свою задницу. А ты... передавай привет. И помни, что я говорила.

– Кому передавать? – вяло удивляется Варламов.

Рогна поворачивается и идет вверх по улице. Псы не глядят на нее, однако стоит Варламову сделать несколько шагов вслед, как начинают безмолвно наступать. Он в страхе поворачивается и сбегает по ступеням. Оглядывается, но псы снова застыли. Сердце Варламова тоскливо сжимается. А потом все тело будто каменеет – со стороны реки послышался шорох.

Медленно оборачивается...

Женщина стоит на краю набережной, и вокруг странно колыхнется свет, проходя то жемчужными, то фиолетовыми волнами. Черты лица тоже колеблются, и все же у Варламова снова захватывает дух от его красоты.

– Это... опять ты? – хрипло спрашивает он. – Что происходит?

Он долго ждет ответа и уже не надеется его получить, но женщина заговаривает.

– Город пуст. – Грустная музыка звучит в голосе, и сердце Варламова сжимается. – Жители оставили его, но мощь Владык сохранила город. Даже камни здесь пропитаны мыслью, надеждой и любовью. Быть может... – Голос словно отдаляется, и последние звуки еле доносятся над темной водой.

– Зачем я здесь? – с трудом выговаривает Варламов. – Я встретил колдунью, одну из тех, с Даром. Она сказала странную вещь, что все будет рушиться. А потом мы поехали в Москву, хотя это мертвый город...

– Пустой скоро станет вся Земля, – шелестит воздух. – Слишком много страданий люди принесли в мир, и их история на этом заканчивается, тихо и милосердно. Быть может, мимо рухнувших домов будут ходить олени, и дельфины резвиться в морях, но людей больше не будет.

Сердце Варламова ноет.

– А как же Джанет? Я смогу вернуться к ней?

– Вряд ли, – вздыхает воздух. – Времени не осталось. Но не только ты теряешь мечту. Я тоже.

Свет и тень кружатся в вихре. Ветер ласково касается лица Варламова и сменяется ледяным холодом. Снова сумрачный свет, снова бесполезное тусклое золото храма, снова пустой гранит...

Нет, не пустой – цветок остался лежать возле воды. По лепесткам бежит то золотое, то фиолетовое пламя, и он вздрагивает, словно пытаясь укрыться от чуждого холодного воздуха. Цветок из Сада!.. Варламов садится на холодный камень рядом с цветком. Оцепенение сковывает тело, но он не может оторвать глаз от угасающего пламени. Такие цветы росли вдоль тропинок чудесного сада, где мать водила его во сне, а потом лицо любимой просияло, словно цветок оттуда. Неужели он видит этот свет в последний раз? Неужели больше не увидит Джанет? В голове закружилось:

«Вот как кончится мир

Вот как кончится мир

Вот как кончится мир

Вовсе не взрывом, а всхлипом»²

Перед взором сгущается тьма. А потом из тьмы является изможденное и яростное лицо Рогны.

«Помни! – раздается голос, и от его ледяного взвизга у Варламова опять ноют кости. – Люди ошибаются, когда думают, что любовь – это хрупкий цветок. Любовь – страшная сила, именно ею Всевышний творит миры. Ты отмечен Хозяйкой Сада, ты можешь открыть запретную дверь. Даже когда все будет рушиться, ты можешь коснуться источника всеначальной энергии, и мир замрет над пропастью. Тебе надо лишь захотеть – всем сердцем и всею силою своей души...»

Варламов горько улыбается.

– Что я могу, Рогна? – шепчет он. – Разве что плакать. Плакать над своей любовью, Джанет, и над всем миром.

Он пытается сдержать слезы, но они все равно текут по щекам и каплют на холодный хранит. Варламов закрывает руками лицо, раскачиваясь от горя. Не скоро отнимает их, а когда опускает и сухими глазами глядит на мир, то не сразу понимает, что происходит, почему волны мрака убегают прочь над водой?

² Т.С.Элиот. «Бесплодная земля»

А потом видит. Огненный цветок ожил – он уже не лежит, а упруго поднимается над гранитной плитой. Снизу он пламенеет рубиново-красным и пульсирует будто сердце, а кверху распускается голубыми и фиолетовыми лепестками. Цветок походит на розу, но красотой превосходит любую из земных роз. У Варламова перехватывает дыхание, он встает. Казавшийся вечным сумрак испуганно втягивается в улицы.

А черные изваяния готовых к прыжку псов исчезли, словно и не было...

Интерлюдия: Цветок

Сумрак в окне посерел. Роман сел на стул и трясущейся рукой налил стакан самогона. В помещении темно, только горит красный огонек включенного питания на пульте, да поверх плит защиты пробивается голубоватое свечение плазменной линзы. Установка работает!

Роман залпом выпил самогон и посмотрел на часы. Времени хватит, чтобы опорожнить бутылку. Потом температура в лаборатории станет слишком низкой, чтобы выдержала живая плоть. Позже все начнет рассыпаться ледяной трухой. Еще позднее только темная воронка продолжит вращение, втягивая в себя лес, сопки, а затем и всю Землю. Только тогда она перестанет расти и притаится в пространстве миниатюрной черной дырой. Космические расстояния надежно ограждают другие миры.

Роман налил второй стакан, но не успел поднести к губам. Голова закружилась, упала на грудь, и все залила тьма...

Он увидел свет и вяло удивился: разве фотоны еще сохранили достаточно энергии в энтропийном колодце? С трудом поднял голову, шея затекла. Некоторое время пытался сфокусировать взгляд на темной фигуре, и наконец узнал. Черный халат, золотая рукоять меча.

– Опять ты? – пробормотал Роман. – Но...

На этот раз гость сел на стул. За темными плечами в окне белел снег. Придвинул столик и разлил в невесть откуда взявшиеся бокалы темно-красное вино.

– Выпьем, – сказал он. – Какое ты и просил.

Роман хмуро глянул в окно.

– За что пить? – тоскливо спросил он. – У меня ничего не получилось.

– Ты одержал победу. – Улыбка холодного торжества появилась на лице собеседника. – Игра будет продолжена.

Роман попробовал вино: в самом деле хорошее, и настроение улучшилось.

– Каким образом? – он покосился на пульт, где больше не светился красный огонек. – Установка отключилась, а ведь я пытался с ее помощью развязать силы хаоса. Если человечество обречено, то пусть Земля никому не достанется.

Гость смаковал вино.

– Тебе это почти удалось, – снисходительно проронил он. – Возможно, Высший Разум вмешался бы, а возможно и нет, обычно он не препятствует действиям свободной воли. Что ему один мир? Но случилось занятное происшествие – Владычица Сада посетила вашу мертвую столицу.

– Какого сада? – Роман потянулся к бутылке и налил себе еще.

Зрачки гостя сузились, словно прицеливаясь:

– Может быть, ты его увидишь. Она собрала там самое прекрасное из многих миров. А на этот раз оставила в вашем мире цветок из него.

– Ну и что?

Было стыдно и холодно, только вино слабо согревало изнутри.

Собеседник покрутил бокал тонкими пальцами:

– Предсказано, что город, где приживется цветок из Сада, станет столицей мира. Там будет построен великолепный храм. Владычица не раз пыталась посадить цветы в разных местах Земли, но все погибали. На этот раз там оказался один человек. Он плакал, и излучение горя было так сильно, что придало недостающие силы цветку. Он ожил, корни раскололи гранит и ушли глубоко в почву. Теперь его нельзя уничтожить даже атомным взрывом, но все равно – оружие будет под запретом в этом городе.

Роман вяло улыбнулся.

– Слабак, – пробормотал он. – О чем плакать? Я разучился плакать давным-давно.

Темный гость поставил бокал.

– Не говори так легко, – холодно сказал он. – Мощь выбирает странные пути. Ты увидишь этого человека, и тогда он не покажется тебе слабым.

– Где увижу? – усмехнулся Роман. – На прогулке в саду? Будем гулять среди цветов и дружески беседовать?

– Ты увидишь его, – сообщил собеседник, – поверх острия меча.

Роман помолчал, а затем пожал плечами.

– Пусть будет так, – хмуро сказал он. – Все лучше, чем торчать в этой дыре. Но я не понял, при чем тут цветок?

– Хаос убил бы его, – равнодушно ответил гость. – Только он может. Но Владычица не захотела допустить этого. Столько веков стараний, и всё коту под хвост. Она повернула время вашего мира вспять, это в ее силах. Твоя память была сохранена, потому что ты под моей защитой.

Роман усмехнулся:

– Но ведь человечеству конец. Кто будет поклоняться ей в том храме? Разумные кролики?

– Она не только повернула время вспять, – хищно улыбнулся собеседник. – Решение вообще отменено. Хозяйка Сада будет вне себя, если человечество теперь исчезнет. Впервые за тысячелетия она получает свой храм на Земле, этом великом средоточии силы. А Всевышнему не нужно второе восстание, сравнимое по мощи с выступлением Люцифера.

Он встал, и отсвет снегов исчез, комнату наполнила тьма.

– Нам это только на руку. Теперь ты свободен. Нет нужды сохранять лабораторию, твой секрет нам больше не нужен. Я оставлю дверь, и когда ты уйдешь, здесь все рассыплется в прах. До встречи.

Снова шорох пересыпающихся ледяных кристаллов. Теперь понятно, что это разрушается само пространство. Огненно-синие очертания двери меркнут, когда в ней исчезает громадная тень, но не исчезают совсем, а снова разгораются жутковатым пламенем. Роман встает и в последний раз подходит к окну: восходящее солнце окрашивает снега в розовый цвет. Сколько раз оно успеет взойти еще?..

3. Южнорусская автономия.

Варламов встал и вытер глаза. Золотая искра мигнула сверху, это солнечный луч упал на купол собора. Золотое свечение было угрюмым и скоро погасло. Задерживаться не стоит: неизвестно, на сколько хватит энергии защитного устройства? До метро далеко, и он не Рогна – той «чёрный свет» не причинил особого вреда, вместо этого наделив Даром... БМП, вот где можно спрятаться! Металл дольше пропитывается губительным излучением, а может быть, получится и уехать? Лучше в сторону Южнороссии, вдруг оттуда сможет вернуться в Канаду?

Он в последний раз глянул на диковинный цветок и пошел к БМП, хотя у машины снова затоснило от лужи крови. Двери нараспашку, но никаких растерзанных тел: собачки сработали чисто. Варламов захлопнул правую дверь, перешагнул кровавый след, согнулся и залез слева. Сиденье водителя оказалось чуть впереди, перед ним обычный руль, только приборная панель грубовата. Управление вроде не сложнее, чем у обычного грузовика, приходилось водить такой в Америке. Мотор работал вхолостую. Варламов разобрался с передачами и тронул машину с места.

Обзор хороший, огромные колеса катятся мягко. Варламов развернулся прочь от реки к улице, по которой они приехали. На повороте к метро притормозил и вздрогнул: темная фигура стоит на обочине. Рогна! Варламов остановил БМП, перелез к правому сиденью и открыл дверь.

– Я думал, вы уехали.

Рогна забралась в машину.

– Псы действуют на нервы. Они должны реагировать только на оружие, но я ведь тоже в некотором роде оружие. Надо выбираться из города.

– А вам куда? Я на юг.

– Мне все равно. Сейчас подальше от Московской автономии, а там вернусь другим путем.

Поехали снова. Миновали метро, солнце мутно просвечивало сквозь серую пелену, так что сориентироваться было нетрудно: в это время оно примерно на юге. Порой солнечный луч падал на мрачные здания.

– Теперь все изменится, – сказала Рогна. – Я не спрашиваю тебя, что произошло. И ты не болтай, Она не любит этого.

– Но кто она?

– Ты уже знаешь больше любого, живущего на Земле. Не превышай меру, может и выживешь.

Ободрила, называется. Впрочем, раздумывать было некогда, приходилось объезжать брошенные машины. Удар «чёрного света» вырубил электронику, так что большинство автомобилей встало на дороге – хорошо, что это произошло не в час пик. Все же пару раз пришлось расталкивать заторы мощным бампером. Наконец миновали транспортную развязку, и стало свободнее. Вдруг и солнце засветило ярче, выбрались в Лимб. На душе полегчало, не так долго пробыли в Зоне. Варламов выключил и снял защитное устройство, надоел этот ящик.

Шоссе вело на юго-восток. Возможно в машине была навигационная система, но некогда разбираться, надо удирать поскорее. К счастью, брошенных машин стало мало, и скорость удавалось держать под 80. Часто проезжали районы с городской застройкой, но безлюдные, жить в Лимбе остерегались.

Наконец, когда уже казалось, что в безопасности, на перекрестке случилось то, чего боялся. Впереди взревели моторы, и с обеих сторон из-за домов появились такие же БМП. Развернулись дулами в сторону Варламова и застыли. Кроме пулеметов, похоже, были и пушки, так что пришлось остановиться. Дверца одного БМП распахнулась, и оттуда выпрыгнул человек. Ба, да это опять майор Седов! Видимо, на какой-то станции по дороге во Владимир был гарнизон – майор вышел там и помчался на перехват. Сделав несколько шагов, остановился.

Варламов давно заметил над головой верхний люк, откинул крышку и высунулся. Прохладный ветерок тронул лицо.

– Здравствуйте, Георгий Петрович. Не сидится вам в кабинете.

– Служба, – пожал плечами Седов. – А вы едете не в ту сторону, Евгений Павлович. Выходите из машины и давайте сюда, вместе со спутницей. В противном случае у меня приказ стрелять на поражение.

– Сядь! – вдруг приказала Рогна. Варламов повернул голову, и очень не понравилось выражение ее лица. Он сразу сел.

– Не повезло им, – вздохнула женщина. – Да и мне тоже.

Теперь уже она открыла верхний люк, высунулась на короткое время и открытой ладонью будто толкнула что-то в сторону майора. Тут же захлопнула крышку.

– Закрой и ты.

Варламов подчинился, при этом рука ощутила покалывание. Он не отрывал глаз от майора: лицо у того слегка расплылось, будто его заволокло дымом. Раздался жуткий звериный вой, и Варламов оглянулся: неужели опять черные псы? Но в следующий миг понял, что воет майор Седов. Он страшно дергался, из рукавов и расстегнутого воротника кителя валил дым. Вот упал на землю, извиваясь как червь, наживляемый на крючок. Открытый огонь так и не появился, но сквозь дым было видно, как словно свечка оплывает лицо майора. В минуту все

было кончено, на земле осталась только куча одежды и легкий дымок от нее. Сильно запахло горелым тряпьем.

– Ты... как Уолд, – хрипло сказал Варламов. Хотя откуда Рогне его знать? Испуганно вскинул взгляд на другие БМП: такой же дымок струился из люков обеих бронемашин.

Варламов еле успел открыть дверцу, его снова вырвало. Здорово сегодня очистил желудок. Когда сел обратно, наткнулся на горестный взгляд Рогны.

– Я хуже, – сказала она. – Уолд хотя бы избегает людей. Но поезжай, нас все равно могут уничтожить с воздуха.

Варламов взялся за руль. Протискиваться мимо мертвых БМП было неприятно, пришлось объехать квартал. На шоссе увеличил скорость, ехали молча. Через полчаса на дорогу впереди упала крестовидная тень и пронеслась по БМП. В зеркале заднего вида было видно, как разворачивается самолет. Варламов сильнее надавил на газ, хотя что толку? Самолет опять пролетел над ними и стал снижаться. Дорога не имела поворотов, так что самолет опустился прямо на шоссе, в нескольких сотнях метров впереди. Варламов притормозил и покосился на Рогну.

– Это другие, – скучно сказала она. – Просто сдайся им.

Варламов остановил БМП позади самолета. Небольшая винтовая машина, похожа на «Сессну», хотя под крыльями пара ракет. Открыл дверцу и вышел, чувствуя полное безразличие. Пусть хоть снова сажают в тюрьму, лишь бы подальше от Рогны. Из самолета спустился молодой человек в форме, похоже вся Россия ее натянула. Хотя проще, чем у Седова: темно-зеленая, с непонятным значком на кителе. Так... красный крест, вписанный в красный же круг с разрывами, незнакомый Варламову символ.

– Капитан пограничной службы Южнороссии Петров, – представился он. – Как понимаю, вы беженцы из Московии? Больше в ВМП никого нет?.. Тогда садитесь в самолет. Вы в буферной зоне, возможна погоня.

На Варламова капитан смотрел с интересом, по Рогне только скользнул взглядом.

– Спасибо, капитан.

Варламов подошел к лесенке, машинально пропустив вперед Рогну. Два кресла впереди – в одном пилот, и два пассажирских сзади. Тесновато, когда капитан Петров сел рядом с пилотом, спинка кресла уперлась в колени Варламову. Винт закрутился сильнее, и после недолгого разбега самолет взмыл в воздух. Удобная машина, почти везде сядет.

В полете не разговаривали: было шумно, а шлемофонов не выдали. Летели часа два, потом впереди показалась большая река и город на правом берегу. Когда селись, на летном поле стали видны военные самолеты. Винт остановился, и капитан Петров повернулся к Варламову.

– С прибытием в Сталинград.

Хоть к черту на рога. Их поджидала машина, но Рогна осталась у самолета. В ответ на вопросительный взгляд Варламова капитан пожал плечами.

– О ней позаботятся.

И сама может о себе позаботиться. Все же ощутил легкую грусть: изможденная, с седой в волосах, а когда-то наверное была красива, хотя и диковатой красотой. Черные волосы, орлиный нос, пронзительно-голубые глаза...

– Прощай, Рогна.

– До свидания, – в голосе послышалось ехидство.

Сели в машину и поехали: вокруг расстились поля, потом показался город. Варламов ожидал, что отвезут в какое-нибудь МГБ, и действительно остановились перед зданием казенного вида. В чугунную ограду были вписаны буквы «УМВД», наверное «Управление министерства внутренних дел». Как говорил отец, хрен редьки не слаще.

Пройдя холл, вошли в дверь с надписью «Миграционная служба». Здесь была очередь, которую капитан Петров игнорировал. Подождал, пока откроется дверь, и вошли в кабинет, где из-за стола поднялся человек в темно-синей форме. Такого значка, как у Петрова, у него не было, а в здешних шевронах Варламов не разобрался.

Капитан был лаконичен:

– Надо оформить как беженца из Московии. Огласка нежелательна, поэтому прямо к вам.

– Садитесь, – сказал хозяин кабинета. – Имя, фамилия, отчество?..

Последовал стандартный опрос. Место жительства – Канада, Торонто – вызвало удивление.

– Придется сделать запрос в тамошнее управление полиции.

Капитан Петров с интересом поглядел на Варламова, а он пожал плечами – запрашивайте. К сердцу прилила горячая волна, полиция наверняка известит Джанет! Наконец ему выдали пластиковую карточку, как когда-то в Другом Доле, и капитан Седов проводил наружу.

– Отвезу вас в гостиницу. Для беженцев она бесплатна, питание тоже. На карточку переведено пять тысяч рублей, это стандартное пособие в таких случаях.

Варламов удивленно покачал головой:

– Надо же, в тюрьму не посадили. А что мне делать дальше?

– Отдохните, – пожал плечами капитан. – Другому я посоветовал бы начать поиски работы, но вы у нас вряд ли задержитесь. Только не слишком расслабляйтесь, у вас будет важная встреча. О времени я сообщу позже.

– Надо думать, – хмыкнул Варламов.

Номер в отеле оказался довольно удобным, первым делом Варламов принял ванну. Даже в горячей воде передергивало от воспоминаний: черные псы рвут охранников в клочья, дым поднимается от кучи тряпья, что была майором Седовым...

Варламов накинул халат и едва вышел в комнату, как увидел дисплей компьютера. Сильно забило сердце, а вдруг есть выход в Интернет? Включил компьютер, но тут призадумался: сколько времени сейчас в Торонто?.. Разница как будто восемь часовых поясов. Здесь сейчас пятнадцать (надо же, сколько всего произошло с утра), тогда в Торонто около семи утра. Джанет как раз собирается на работу.

Затаив дыхание, он включил видеосвязь (работает!) и набрал адрес. Несколько секунд томительного ожидания, потом по экрану прошла красная надпись: «Вы устанавливаете соединение за пределами Российского союза. Передаваемая информации будет контролироваться». Варламов лишь хмыкнул, на Североамериканских Территориях и в Канаде то же самое. Пришлось ждать, и вдруг появилось изображение их гостиной: Джанет была в халате, видимо выбежала из ванной.

– Юджин! – ахнула она. – А мне только что позвонили из полиции... – И расплакалась.

Но не будем подсматривать за этой сценой: счастливых моментов не так много в нашей жизни, а боги завистливы...

После разговора Варламов лег на кровать и погрузился в покойное забытие. Очнулся, когда вечерело. Подошел к окну: за домами розовела лента реки, кажется Волга. Зазвонил гостиничный телефон.

– Это капитан Петров. Отдохнули? Тогда подкрепитесь, а через полчаса я за вами заеду.

Ответа дожидаться не стал, повесил трубку. Варламов вздохнул и повернулся к стулу, куда бросил мятую одежду. Удивительно – брюки и рубашка были выглажены, а вместо грубой морской куртки висела кожаная. Снабдили даже новым бельем в пакете, как в тот памятный первый вечер на американской территории Ил-Оу. С приятным чувством свежести Варламов спустился в ресторан, а точнее столовую самообслуживания. Еда была вкусная и казалась более натуральной, чем в Канаде. Потом вышел на улицу в теплые сумерки, мимо проезжало много машин. Капитан Петров подъехал не на военном джипе, а в «Тойоте».

– Выходит, вы с китайцами торгуете? – спросил Варламов, садясь.

– Куда мы денемся? – пожал плечами Петров.

Вскоре подъехали к довольно приятному зданию с колоннами у входа и портиками вдоль третьего этажа.

– Памятник сталинской архитектуры, – сказал капитан. – Своего рода символ эпохи.

В холле стояли двое в серо-стальной форме. Варламов заметил у обоих такие же значки, как у Петрова, вряд ли простые охранники.

– Координатор вас сейчас примет, – сказал один Варламову. – А вы, капитан, можете ехать. Мы доставим нашего гостя обратно в гостиницу

Раздвинулись двери лифта, охранник сделал приглашающий жест, Варламов вошел, и лифт тронулся... неожиданно вниз. Похоже, опустились на несколько этажей. Когда вышел, то оказался в приемной. Девушка за компьютером улыбнулась ему и кнопкой открыла дверь в кабинет.

Довольно сумрачный, с книжными полками вдоль стен. Взгляд Варламова задержался на картине над большим столом. На фоне горного пейзажа (похоже на картины Рериха) сидел человек, положив руку на штурвал управления каким-то летательным аппаратом. Темное одеяние, суровое лицо, глубоко посаженные глаза...

– Это первый Координатор Братства, – услышал Варламов. – Конечно, портрет несколько идеализирован.

Из-за стола поднялся человек высокого роста, с бритой головой и тяжелым подбородком. Глаза чуть насмешливые.

– Здравствуйте, Евгений Павлович. Я Александр Владимирович Гуров, нынешний Координатор. Садитесь.

Варламов слышал о Русском Братстве еще в Карельской автономии. После войны оно не дало России погрузиться в хаос, наводя порядок железной рукой, порою вешая вороватых чиновников перед их резиденциями. Сейчас оно контролировало большую часть Российского союза, кроме Московской автономии, где остался прежний президент. Братство не вмешивалось в управление, скорее осуществляя общий контроль. Варламов заметил на пиджаке Координатора такой же значок, как у капитана Петрова – наверное, символ Братства.

– Спасибо, что помогли, – он сел в удобное кресло, не приходилось смотреть на хозяина кабинета снизу вверх.

– Извините, что принимаю здесь. Наверху приятнее, с видом на вечерний город. Но надо думать о безопасности.

– Остерегаетесь Московской автономии? – хмыкнул Варламов.

Скованности не чувствовал, хотя перед ним был самый могущественный человек Российского союза. Со многими непростыми... личностями пришлось общаться.

– Ну да. Мы тоже стремимся к восстановлению единой страны, только хотим подать более привлекательный пример. А там используют старые методы. Кстати, как вам Канада?

Варламов пожал плечами:

– Жить довольно комфортно. Но там давние традиции демократии и не было столь жестко централизованной власти. В России никак не найдут компромисс между этими полюсами.

Гуров улыбнулся:

– Мы пробуем. В Российском союзе хорошие условия для предпринимателей, и мы не ограничиваем личную свободу. Только для членов Братства существует жесткая дисциплина и внутренний суд.

– Ну да. Орден меченосцев, о котором когда-то говорил Сталин.

– А вы начитаны, – Гуров прищурился. – Но мы не одобряем деятельности Сталина, слишком большую цену за нее пришлось заплатить русскому народу. Название городу вернули

в память о подвиге в Великую Отечественную... Впрочем, ближе к делу. Извините, Евгений Павлович, но когда мы получили информацию, что вас доставили в МГБ Московской автономии, наши специалисты бросились собирать сведения. Надо было понять, представляете ли вы угрозу для Российского союза?

Надо же, а разведка у них неплохо поставлена!

Варламов улыбнулся, хотя это далось с трудом: – Ну и как?

Гуров положил мосластые руки на стол.

– Похоже, что нет. Московской автономии нужен секрет «чёрного света», но выпытать его у вас невозможно. Даже у Рогны не получилось.

Показалось, что слово «рогна» произнес не как имя, но было не до размышлений: в затылке возникла тупая боль, и вокруг потемнело.

– Ничего не знаю о «чёрном свете», – хрипло выговорил он.

В руку ему сунули стакан. Варламов судорожно стиснул его и поднес к губам. Напиток обжигал горло, но перед глазами прояснилось.

– Не буду вас мучить, – вздохнул Гуров. – Московия не получит «чёрного света», а это для нас главное. Но есть пара моментов, которые вы могли бы прояснить. Если не хотите говорить, не надо. Мы все равно поможем вам вернуться в Канаду.

– Спрашивайте, – сказал Варламов. Похоже, ему дали обыкновенной водки. Настроение улучшилось, а характерных для «правдосказа» эффектов не было.

– Первое. В центре Москвы начала исчезать Тёмная зона. Наши дроны постоянно ведут наблюдение, и раньше такого не было.

Варламов потер лоб. – Они должны были зафиксировать нечто возле храма Христа Спасителя.

– Это? – Гуров повернул монитор.

Даже статичное изображение цветка потрясало.

– Скорее всего, это связано с ним.

– Откуда он? Никогда не видел ничего подобного.

Варламов облизнул губы: – Должно быть, из другого мира... – Он умолк. «И ты не болтай!»

Гуров с досадой смотрел на него.

– Похоже, больше ничего не скажете. Ладно, со временем разберемся. А как насчет этого? – и подвинул к Варламову стопку фотографий.

Он глянул и отвернулся, опять чуть не стошнило.

– Московия выбросила с вертолетов десант, – продолжал Гуров. – Примерно роту спецназа. Видимо, тоже заметили, что Зона исчезает. И вот результат.

Варламов покосился на фото: истерзанные, залитые кровью трупы. Рядом валяется оружие – не помогло. На этот раз собачки сработали не так чисто.

– Зафиксировали еще что-нибудь?

– Большинство снимков нечеткие, нападавшие двигались слишком быстро. Но, вот... – Координатор отобрал одно фото.

Черный гигантский пес стоял, широко расставив ноги и оскалив пасть. В упор смотрел на Варламова, и его передернуло.

– Это они. Похоже, что стражи города. Так же расправились с охранниками, когда меня привезли в Москву.

– Тоже из другого мира?

– Вероятно. На Земле таких нет.

– Значит, Москва по-прежнему недоступна для людей? Псы будут охранять город... и цветов?

Что тогда сказала Рогна? «Псы должны реагировать только на оружие»...

– А вы попробуйте без оружия. Мне намекнули, что отныне оно под запретом в этом городе. Меня и Рогну не тронули. Но осторожнее, это разумные твари.

Гуров долго смотрел в упор, потом покачал головой.

– Задали вы нам хлопот, товарищ Варламов. Но спасибо. Большое спасибо. Захотите еще что сказать, обращайтесь к капитану Петрову. Вот его визитка, тут код Сталинграда и затем всего три цифры, легко запомнить. А пока до свидания. Похоже, у меня будет много дел.

Варламова отвезли в гостиницу, но звонить Джанет на работу не хотелось. Он лег на кровать, положив руки под голову. Незаметно уснул, а проснулся ночью от монотонного шума, по потолку плыли светлые пятна. Выглянул в окно.

По улице один за другим ехали крытые грузовики. Фары освещали серо-зеленые борта – похоже, что машины военные. Колонна казалась нескончаемой, и Варламов лег спать. На следующий день он съездил на Мамаев курган – памятник Великой Отечественной войны, а когда вернулся пообедать, к нему подсел капитан Петров.

– Когда закончите, соберите вещи и ко мне в машину. Там поговорим. Жене пока не звоните.

– У меня и нет ничего, – пожал плечами Варламов. В самом деле, даже зубная щетка была гостиничной.

Он сел в машину, капитан завел двигатель, но отъезжать не спешил. Коснулся приборной панели.

– Вам нужно покинуть Сталинград. Мы не можем гарантировать, что агенты Москвитии не доберутся до вас. Сейчас едем в аэропорт, вам куплен билет до Хабаровска, там пересядете на рейс до Ванкувера. Возьмите вашу карточку, мы получили виртуальный образ из Канады. Пока спрячьте. На нее переведена значительная сумма... в оплату за оказанную помощь. Вот код доступа, запомните. Это китайская платежная система, действует по всему миру.

– Подождите, – удивился Варламов. – Через Исламскую конфедерацию было бы быстрее. Оттуда есть рейсы в Северную Америку.

– Нельзя, – поморщился Петров. – От вас могут попытаться кое-что узнать... полезное для джихада. Мы-то знаем, что это бессмысленно, а вот они нет. Китайцы вряд ли проявят к вам интерес, у них давно есть «чёрный свет».

На душе стало мутно. Сомнительно, что китайцы совсем потеряли интерес, но решение, похоже, было принято на самом верху. Возможно, Гуров хочет разузнать о Варламове побольше. Может, надо было с ним откровеннее?

Капитан протянул другую карточку:

– Полетите под фамилией Сидоров, а ту карточку, что выдали в Управлении внутренних дел, мне верните. Вам поменяли местами имя и отчество, теперь будете Павел Евгеньевич. Сюда переведены пять тысяч пособия, на расходы. Код простой – 1,3,5,7. В Хабаровске снимите все деньги, а карточку выбросьте. Билет в Канаду будете покупать по своей, там хватит.

Седов, Петров, Сидоров... Что же, он на родине.

«Ты вернешься в Россию. И покинешь ее снова...»

Варламов вздрогнул. Капитан Петров секунду смотрел на него и тронул машину.

– Рейс с посадками, – снова заговорил он. – Омск, Красноярск, Иркутск, Чита – региональные столицы Российского союза. У всех есть и китайские названия. Будут выходить и садиться пассажиры, а вы лучше оставайтесь в самолете.

– И как там отношения с китайцами?

Капитан пожал плечами:

– Кое-где совместное управление. Власти прежней России роздали земли китайцам, и оттуда их уже не выгонишь. Но официально Китай присоединил только Дальний Восток и территорию к югу от Станового хребта. После Третьей мировой Россия была ослаблена и не имела сил воевать еще и с Китаем, да и войска из-за Тёмных зон не перебросишь. А китайцы назы-

вают это воссоединением земель, которые принадлежали им по Нерчинскому договору³. Так что Хабаровск теперь – Боли. Но и там двойное гражданство, права одинаковые, а в экономике Китай, естественно, доминирует.

– На Североамериканских Территориях китайцы действуют наглее, – задумчиво сказал Варламов.

– У Южнороссии есть «чёрный свет», сильно наглеть не получится, – пожал плечами капитан. – Нам повезло, что сотрудники института, где его разработали, покинули Москву как раз в южном направлении.

Упоминание о «чёрном свете» болью отдалось в голове, и Варламов поспешил сменить тему

– Ваши, наверное, сейчас в Москве, – сказал он. – Небось, и вы туда хотите.

Петров только улыбнулся.

До гражданского аэропорта ехали недолго. Назывался «Гумрак», и здесь Варламов простился с капитаном Петровым. Белобрысый, с неприметным лицом, но другие в его возрасте еще лейтенанты.

4. Уральская автономия

Самолет был средней дальности – «Великий поход 929». Варламову приходилось летать на таких в Канаде. Соседом оказался священник в черном подряснике, представился отцом Вениамином. Это имя вызвало смутный отклик в памяти. Выглядел служитель уныло и невнятно пояснил, что за какую-то провинность лишен сана и отправлен в далекую сибирскую епархию. Услышав, что попутчик из Канады, потерял бородку:

– Выходит, и там люди проживают. – Заметно ожал, и пахло перегаром.

Наконец в памяти забрезжило – снова ему попадает черны монах. Первый раз появился во сне, где трудился на стройке струнной дороги, а во второй раз как недолгий спутник в другом сне... Хотя, если верить Рогне, это не сны, а как бы «воспоминания» об утраченных реальностях. Как все запутано!

Самолет взлетел. Внизу проплыла Волга, потом потянулась степь, временами тускло блестели озера. Минут через сорок местность изменилась: пошли какие-то бугры, появилось больше зелени, наверное предгорья Южного Урала. Варламов удовлетворенно вздохнул, он все дальше от Московской автономии...

Самолет сильно качнуло. Вспыхнуло табло «Пристегнуть ремни». Раздался голос из громкоговорителя:

«Внимание! Нас преследует военный самолет. Идем на экстренное снижение!...»

Корпус самолета сотрясся. Раздался оглушительный рев, и воздух наполнило что-то вроде тумана. Зазвенело в ушах – самолет разгерметизировался. Сверху выскочила кислородная маска, и Варламов торопливо надел ее. Глянул на соседа: отец Вениамин сделал то же самое.

Тело потеряло вес – самолет падал. Трещал металлический корпус, рев выходящего воздуха быстро стих, зато к шуму добавились крики пассажиров. Варламов скосил взгляд в иллюминатор. Они сидели в хвосте, и было видно, что левый двигатель объят пламенем, наверное в него попала ракета.

– Конец! – мелькнула мысль.

³ Нерчинский договор – договор между Русским царством и Китаем, заключен в 1689 г. и устанавливает границу по реке Аргунь и далее по Становому хребту к берегу Охотского моря. С точки зрения России, прекратил действие с заключения Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров. Китай считает два последних навязанными силой и нелегитимными

Неожиданно его вдавило в сиденье. Пилоты все еще пытались управлять самолетом: сбросили высоту и перешли на горизонтальный полет. Последовал ли за ними истребитель?.. Двигатель уже не пылал, из него струился черный дым. Видимо, пилотам удалось перекрыть подачу топлива.

– Господи, спаси и сохрани, спаси и сохрани... – бормотал отец Вениамин.

Внизу проносилась овражистая местность, скорость самолета была еще велика.

«По курсу есть старый военный аэродром, – снова раздалось из репродуктора. – Приготовиться к жесткой посадке».

Варламов много летал в Канаде, авиакомпании там порой проводили тренинги, и действовал автоматически. Положил руки на спинку кресла впереди и прижал к ним голову. Сильно уперся ногами.

– Делай, как я! – крикнул отцу Вениамину.

Пол провалился под ногами. Внезапно в иллюминаторе понеслись плиты посадочной полосы. Последовал сильнейший толчок, лякнули зубы, а ремни впились в тело – это машина ударила колесами о бетон. Мимо проносился едва не лес – сквозь щели во взлетной дорожке успели прорости деревца, и самолет с жутким скрежетом срезал их крылом.

Раздался еще более страшный треск. Перед глазами возникла огромная дыра, а в ней бетонные плиты и удаляющаяся передняя часть самолета, с крыльями – это у самолета отломился хвост. Варламова едва не выбросило на землю, но ремни удержали. Передняя часть корпуса продолжила катиться вперед, опускаясь носом... и вдруг ее охватило пламя. Хвостовую часть со страшным хрустом развернуло, и она остановилась в стороне, однако все равно лицо Варламова обдало жаром.

– Быстрее! – крикнул он отцу Вениамину, освобождаясь от ремней. Тело болело, но похоже ничего серьезного.

Они выбрались наружу и стали помогать уцелевшим пассажирам. В хвостовой части уцелели все: у кого-то разбито лицо, у кого-то возможно сломаны ребра, но в целом дешево отделались. Вперед, где бушевало адское пламя, нечего было и соваться: наверняка все погибли. Спрятались от пожара за хвостом. Варламов все поглядывал в небо: не появится ли истребитель, добить уцелевших?

– И чего напали на пассажирский самолет? – сильно окая, сказал отец Вениамин. – Как господь терпит такую низость?

Варламов попытался думать, хотя в голове еще звенело. Вряд ли самолет сбили из-за него, он нужен живым. А вот если войска Южнороссии, пусть и без оружия, начали занимать Москву, президент Московской автономии наверняка истолковал это как начало военных действий. И вряд ли Южнороссия была такой белой и пушистой, как ее хотел представить Гуров. Конечно, «чёрный свет» она вряд ли использует, а вот к обычной войне явно готовилась. Но если Московская автономия начала войну, то зачем сбивать пассажирский самолет?.. Хотя, вот возможный ответ! Им нужно место, куда перебрасывать войска, может быть, как раз этот заброшенный аэродром. Как это будет на военном жаргоне – «создание бесполётной зоны»?

– Надо убираться отсюда? – сказал Варламов. – Могут посадить десант.

Отец Вениамин подозрительно поглядел на него:

– Не за вами охотятся?

– Едва ли, – не вполне искренне ответил он. – Просто такова логика войны.

– Война, значит... – вздохнул поп-расстрига.

Люк багажного отделения был распахнут от удара, и вещи пассажиров рассыпались по бетону. Отец Вениамин стал зачем-то разглядывать этот хлам, а потом залез в багажный отсек и прыгнул оттуда с длинным чехлом.

– Не ваш? – показал его пассажирам.

Никто не признал своей собственности, и священник повернулся к Варламову.

– Стрелять умеете?

– Сносно.

– Тогда держите, – отец Вениамин раскрыл чехол. – Карабин «Сайга». У моего прихожанина был такой, вызывал домой освятить. В храм с оружием не положено.

Конструкция была привычной. Варламов поставил на место складной приклад и покачал карабин в руке – хорошо сбалансирован. Наверное, кто-то летел поохотиться в сибирских лесах. Не довелось.

В карманах чехла нашлись три снаряженных обоймы. Варламов вставил одну в карабин, другие рассовал по карманам, а оружие повесил через плечо.

– Себе чего-нибудь нашли? – спросил у отца Вениамина.

– Священнику оружие не положено, – отвечал тот. – Ничего, в лесу дубину выломаю.

– Пора двигать, – вздохнул Варламов. – Пожалуй, в северном направлении, там должны быть города. Жаль, что нет навигатора. Вы со мной или остаетесь?

– С вами. Я ведь в свое время из Московской автономии сбежал, только и тут не прижился. А те меня сразу на строительство струнной дороги определяют.

– Да уж, – хмуро сказал Варламов, и опять вспомнился сон, где монах выдавал им водку.

Больше никто идти не захотел, были изрядно побиты и решили дожидаться помощи.

Страшный костер догорал, к небу поднимался столб черного дыма, наверное видно издалека. Варламов и отец Вениамин пересекли летное поле и нырнули в кустарник. Солнце стояло еще высоко, ориентироваться было нетрудно. В перелеске отец Вениамин сломал молодую березку, обломал сучья и на ходу стал подстругивать ножом (и как умудрился пронести в самолет?). Местность была холмистая, росли березы и ольха. Напились из ручья, и тут на них выбежали два бородатых мужика, у одного за плечами ружье.

– Вы не с самолета? – крикнул один. – Мы видели, как он падает.

– С него самого, – ответил отец Вениамин. – Помочь хотите?

– Ага, – зло ответил другой мужик. – Избавиться от лишнего барахла. Летаете тут над головами. Может, поделитесь? Раз с самолета, то деньжата есть.

Мужик потянул из-за плеча ружье. Неприятный холодок прошел по спине, но Варламов, не раздумывая, скинул карабин и нажал спуск, целясь под ноги набежавших. Заодно проверим, как пристрелян. Оказалось, что хорошо: камень под ногами мужика раскололся, и тот отпрянул от брызнувших осколков.

– Эй, Фрол! – растерянно сказал он.

Отец Вениамин поиграл дубиной.

– Не желай ничего, что у ближнего твоего, – прогудел он.

– Возьми ружье за ремень и скинь на землю, – миролюбиво сказал Варламов. – Не вздумай брать в руки! И вообще... Вы нас не трогайте, и мы вас не тронем, Большинство пассажиров погибло, и у самолета много барахла валяется. Только уцелевших людей не трогайте, там раненые. Ну!..

Мужик облизнул губы и столкнул ружейный ремень с плеча. Оружие с лязгом упало. Фрол за все это время не сказал ни слова. Оба мужика бочком обошли путников и скрылись в перелеске.

– Придется вам понести ружье, – сказал Варламов священнику. – Перекиньте через плечо, так что в руках держать не придется. А мужички бандитами оказались. Хорошо, что вы карабин нашли.

– Какие они бандиты? – пожал плечами отец Вениамин. – Просто любят прибрать к рукам, что плохо лежит. А в Канаде разве не так?

Вспомнились приключения на Североамериканских территориях.

– Когда полиции близко нет, всякое бывает.

Тронулись дальше. Солнце начало клониться к закату, очень хотелось есть. С увала (слово подсказал отец Вениамин) заметили в долине деревню.

– Зайдем? – предложил священник. – Путников должны приветить.

– А не отсюда те мужички? – с сомнением сказал Варламов. – Но делать нечего, пошли.

Спускаясь, вышли на старую бетонную дорогу, возможно к аэродрому. Деревня встретила их лаем собак. На завалинке сидел мужик, на этот раз без бороды. Лицо не русское, скуластое, но по-русски ответил чисто:

– С самолета? Переночевать? Ну, идите к Нюрке. У нее три года как муж пропал, всех привечает. Третья изба справа.

У отца Вениамина маслянисто заблестели глаза.

Нюра оказалась женщиной средних лет, с добродушно-приятным лицом. Отец Вениамин витиевато попросился на ночлег, а Варламов подкрепил просьбу купюрами Российского союза (снял с банкомата еще в Сталинграде).

Женщина заулыбалась:

– Сбегаю в лавку за водкой, да и угощения купить дорогим гостям. А вы пока располагайтесь.

Гостиная оказалась опрятной, со старой полированной мебелью. Часть помещения занимала большая печь, видна была и другая комната, с кроватью. Телевизора Варламов не заметил, но имелся простенький музыкальный центр. Путники поставили ружья в угол и сели на скрипучий диван.

Нюра скоро вернулась с полной сумкой, поставила варить картошку, слезила в погреб. Одновременно расспрашивала путников, охая и вздыхая по поводу сбитого самолета.

– Эти москвиты скоро и до нас доберутся.

– Далеко до ближайшего города? – наконец сумел спросить Варламов.

– До Баймака сорок верст, оттуда продукты привозят. И еще сотня до Магнитогорска, это большой город.

В дверь постучали. Лохматый мужик средних лет представился Никитой, здешним старостой. Видать, новость уже разнеслась по деревне. Выслушал рассказ Варламова, покачал головой. Глянул в угол:

– А ружье вроде Митяя будет. Откуда оно?

– Да встретили двоих по дороге, – нехотя сказал Варламов. – Спешили пожить на месте крушения, и к нам примеривались. Пришлось пальнуть под ноги, тогда разошлись мирно.

– Вот дурак, – покачал головой Никита. – Нарвется когда-нибудь.

Как будто обошлось.

Нюра накрыла стол, стали заходить другие мужики, пошло застолье. Водки хозяйка купила с запасом. Недобрыми словами поминали Москву, но больше говорили о хозяйстве. Подвыпивший священник продекламировал похабные стишки про отца Онуфрия.

«Обходя общественные огороды,

Отец Онуфрий обзрел оголенную Ольгу.

"Ольга, отдайся. Озолочу!"

Ольга отдалась.

Окончив оную операцию, отец Онуфрий от оплаты отказался.

Обозленная Ольга огрела отца Онуфрия оглоблей.

Отец Онуфрий околел»

Все хохотали, особенно хозяйка. Разошлись не скоро, луна уже озарила улицы деревни. Варламову постелили на полу, а отцу Вениамину, из уважения к сану, на диване. Когда Варла-

мов ходил в туалет (пристройка над выгребной ямой), на диване никого не было, а из-за закрытой двери слышался равномерный скрип. Варламов улыбнулся, с вздохом вспомнил Джанет и скоро уснул.

Когда позавтракали (отменной яичницей), явился староста с потрепанным Митяем.

– На аэродроме десант высадили, полосу расчищают. Этот еле убежал, пришлось большой круг давать. Ты, это, отдай ему берданку.

Митяй избегал смотреть на Варламова. Тот взял ружье, действительно оказалось системы Бердана, со скользящим затвором. На всякий случай вынул патрон из ствола и отдал оружие Митяю.

– Вам лучше спрятаться, – продолжал староста. – Как бы войска не высадили, чтобы двинуться на Челябинск, там танковый завод. Мы-то привычные, в лес уйдем, а вам чего встречать?

Предложение казалось разумным. Нюра собрала путникам мешок, по указанию Никиты положила пачку свечей и спички. Варламов подхватил «Сайгу» и вышли на крыльцо.

– Видите скалу, будто голова и нос торчит. Рядом береза, а под ней лаз. Кажется, только мальчонка пролезет, но книзу расширяется. Это старые горные выработки, в них пока пересидите. Далеко не ходите, там прямо лабиринт.

Идти было километра два, к концу пути с запада стал нарастать гул самолетов. Похоже, Московская автономия действительно наступала на Урал.

Лаз был узок – Варламов еле протиснулся по глинистому спуску, волоча мешок и ружье. Внизу оказалась довольно ровная площадка. Пламя свечи озарило утрамбованный пол, кострище, несколько тюфяков, наверное тут было мальчишеское логово. Пыхтя, сполз отец Вениамин. Перекрестился, прочел «Отче наш» и завалился на тюфяк. Видно, ночью времени на сон не тратил.

Заняться было нечем. Варламов полежал, вспоминая свой дом в Торонто и Джанет. Потом вспомнилась Кандава и лес, где часто ночевал на голой земле... Проснулся от далекого гула. Взобрался к выходу и выглянул из-под березы. Был виден кусок «бетонки», по ней ползли серо-зеленые машины, наверное БТРы.

Н-да, как добираться до города? И есть ли смысл? Но пешком до Хабаровска не дойти. Варламов рассказал об увиденном отцу Вениамину, который безмятежно раскинулся на тюфяке.

– И чего люди воюют? – невесело добавил он. – После той войны пора бы утомониться.

– Все гордыня, – вздохнул отец Вениамин. – Еще в Писании сказано: «Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа...». Вот и я многовато вопрошал о делах церковных, так что пришлось бежать из Московской автономии. Но и здешний владыка оказался крут. Ничего, Расейский союз велик, найдем с кем поладить.

Похоже, священник был любителем не только вина и женщин, но и свободы слова. Варламов с досадой лег на тюфяк. Америка тоже распалась на Территории – каждая выживай, как можешь. И в Канаде центральной власти пришлось ужаться. Может, хоть эти в Сталинграде окажутся умнее?

Давно миновало время обеда, хотелось есть. Достали из мешка хлеб, сало и лук. Отец Вениамин довольно крякнул, найдя заботливо укутанную четвертинку. Оказалась и бутылка с водой. После еды поболтали, потом Варламов выглянул еще раз: все тихо, солнце садится. Легли опять. Варламов снова заснул и проснулся непонятно от чего. А... храпа отца Вениамина не слышно.

Зажег свечу, соседний тюфяк пустовал. Выглянул наружу: темно, взошла бледная луна. Все ясно, отца Вениамина опять потянуло на подвиги. А вдруг попадет в переделку? Варламов поколебался, брать с собой «Сайгу» или нет, и решил без нее: темно, толком не прицелишься.

Прячась за кустами, выбрался к дороге. Деревня казалась вымершей и почему-то не лаяли собаки. Все разбежались, что ли?

Держась в тени домов, Варламов двинулся по улице, но далеко не ушел. Его схватили сзади, будто клещами, и скрутили за спиной руки. Вынырнуло ухмыляющееся лицо, фуражка набекрень.

– Кто такой? Ладно, к командиру его. Он в третьей избе.

Сзади подтолкнули чем-то жестким, похоже на ствол автомата. Варламов понуро пошел. Опять Нюрина изба! Из окон свет, а на крыльце часовой. В гостиной полно народа: тут и сияющая Нюра, и люди в незнакомой форме, наверное Московской автономии. Ба, и отец Вениамин здесь: сидит за столом перед рюмкой водки, уже веселый!

– Задержан неизвестный! Крался по улице...

Отец Вениамин прервал молодцеватый доклад:

– Да это мой спутник, Евгений, – он подмигнул Варламову. – Вместе к святым отцам на Алтай пробираемся, обет дали. Садитесь, выпейте во славу Божью и за здоровье президента.

Рядом с хозяйкой сидел человек с погонами на расстегнутом кителе – похоже, командир. Лицо довольное, в приоткрытую дверь видна неубранная кровать. Да, привалило Нюре счастье.

Он кивнул, и за столом потеснились, давая Варламову место. Тот перекрестился (еще помнил, как надо), поднял рюмку и залпом выпил. Было неуютно среди людей в форме, сильно пахло гуталином и ружейной смазкой. Отец Вениамин продолжал прерванный рассказ:

– Еще наш архиерей стерлядку любил. Вот и меня отправил на речку. Поставили со службой перемет, а я решил пока с удочкой побаловаться. Закинул, сижу на бережку, солнышко греет, благодать. Вдруг поплавок повело. Я подсек, хотел рыбу на берег выкинуть, да куда там! Будто коряга зацепилась. Вдруг как заходит взад-вперед, удочка из рук вырывается, а у меня и подсака нет! Тяну, из воды морда с усами высовывается. Сомище! Чувствую, что так не взять, и сиганул в воду, пробую ухватить за жабры. Словно скользкое бревно обнял. Он хвостом так поддал, что я в сторону отлетел. А сам крутанулся, и в глубину. Это надо же, на червяка клюнул...

Снова выпили, за здоровье президента и возрождение великой России. Нюра скрылась за дверью с очередным любителем женских прелестей, а отец Вениамин потянулся:

– До ветру надо. Пойдешь? – он подмигнул Варламову.

– Надо бы отлить, – согласился тот.

Вояки, похоже, не знали, что вход в уборную в сенях, выпустили из дома без возражений. Стоя у забора, отец Вениамин прошептал:

– Меня прямо из постели вытащили. Пришлось прикинуться паломником. А теперь когти рвать надо. Эти еще ничего, но скоро МГБ-шники пожалуют, те прицепятся. Уходим задами! Хорошо, что всех собак перестреляли.

Часового скрывал забор. Пригнулись, нырнули в тень и побежали огородом. Похоже, отцу Вениамину было привычно уходить задами, не потому ли сослали?.. Их все-таки хватились! Раздался выстрел, а следом послышался мат и шум погони. Беглецы ныряли из тени в тень, но луна давала достаточно света для преследователей. Прогремела автоматная очередь, пули просвистели сверху. Варламова пробрал озноб. Резко свернули в лесок – снова очередь, пули с тупым звуком сбивали сучья. Потом стрелять перестали – видимо, чтобы слышать беглецов. Бесшумно бежать по лесу не получалось.

До скалы успели, нырнули в лаз. Варламов подхватил «Сайгу» и мешок, а священник зажег свечу: надо прятаться в выработках. Сверху раздался гомон, вход уже отыскивали. Вглубь уходил темный ход – можно было идти, только согнувшись. Едва сделали пару десятков шагов, как сзади послышался стук, а следом моргнула белая вспышка. Раздался грохот, и Варламова сбilo с ног воздушной волной. Бросили гранату!

Все стихло, но спустя несколько секунд послышалось шуршание, а следом тяжелый гул. Снова толкнуло воздухом, только слабее. Свеча погасла, и священник разжег ее, употребляя совсем не богослужебные выражения. Осторожно двинулись назад, но тут же уперлись в насыпь из земли и камней. Ход был завален!

– Вот бесовы дети, – горестно сказал священник, – заживо похоронили. И отходную прочитать некому.

– Не спешите с отходной, – сказал Варламов, пытаясь ободрить и себя. – Помните, по пещерке сквозняки ходили. Нам сказали, что выработки большие, должны быть и другие выходы.

Делать нечего, пошли дальше в темную глубину. Стены были неровные, временами открывались полости.

– Наверное, брали какую-то руду, – сказал отец Вениамин. Тут же откликнулось эхо: «У-у-у...». У Варламова даже холодок по спине прошел. Достигнув первой развилки, выбрали ту, откуда шел слабый ток воздуха, пришлось ползти на четвереньках. Снова развилка, потом перекресток с другой галереей – да, настоящий лабиринт. Стала таять надежда выбраться, без схемы выработок будут плутать неделю, свечи кончатся намного раньше.

Вышли в небольшой зал, черные от времени деревянные столбы подпирали кровлю. В стенах было несколько отверстий, из одного тянуло холодным воздухом. Отдохнув, полезли в него. Ход шел вниз и кончился обрывом в темную шахту. Варламов кинул вниз камень, через некоторое время раздался всплеск. Вода тут есть, но как до нее добраться? Были бы хватили ненадолго.

Пришлось вернуться обратно.

– Вот что, – сказал Варламов, – надо составлять схему. Бумага есть?

У отца Вениамина не оказалось даже молитвенника. Варламов с досады плюнул, сам привык полагаться на всякие гаджеты. Решили складывать кучки камней у каждого хода, который обследуют. Блуждали долго: иногда согнувшись, иногда на четвереньках исследовали несколько километров подземных галерей. К счастью, нашли воду, стекала по стене в черное озерко. Была горьковатой, выпили понемногу.

Обессиленные, вернулись в зальчик и поели, по кусочку хлеба и кусочку сала. Прилегли на каменистом полу. Отец Вениамин бормотал: «Услышь меня, Боже правды моей. В тесноте Ты давал мне простор. Помилуй меня и услышь молитву мою...»

А вдруг поможет?.. Варламов провалился в зыбкий сон.

Виделось лицо Джанет, она настороженно вглядывалась во что-то. Потом снова шел по подземному коридору и остановился перед треугольным входом в следующую галерею, вход был высок и почему-то пугал... Когда проснулся, все тело ломало, рядом кряхтел отец Вениамин.

– За грехи шлет мне Господь наказание, – сокрушенно бормотал он. – Все распутствовал, окаянный.

Перекусили (осталось на один раз) и вошли в последний неисследованный коридор. Ход шел сначала вверх, а потом все вниз и вниз. В лицо снова дул холодный сквозняк, хотя спускались всё глубже... Снова зальчик, темная расселина пересекает его.

– Постой, – сказал отец Вениамин (как-то незаметно они перешли на «ты»). – У меня ощущение, что идем не туда.

Варламов поколебался: – Пройдем еще немного. Если будут развилки, загораживай их пирамидками из камней. Вернемся тем же путем.

Расселина была неширокой, пол на другой стороне ровный. Варламов прыгнул на ту сторону, и в полете почувствовал некое смещение вокруг, сердце сделало перебой, а голова закружилась. Он неловко приземлился, упал на бок, но тут же вскочил. Болел ушибленный локоть,

и что-то изменилось – ах да, тихо кругом, сквозняк куда-то пропал. Даже упавшая свеча продолжала гореть. Варламов подобрал ее, осмотрелся... И застыл, высоко подняв свечу.

– Ты чего? – отец Вениамин шумно приземлился рядом. – А со мной словно бесы шуткуют, чуть в воздухе не застрял.

Треугольный вход – тот, что видел во сне! В полтора раза выше человеческого роста, и неопределенной угрозой веет из темноты. Сразу вспомнились штучки Рогны.

– Пошли, – угрюмо сказал он.

Ход высокий, стены ровные, никаких полостей. Потом в стенах замелькали фиолетовые искорки.

– А ну, посвети.

Все-таки небольшие полости есть, и в них – поросли фиолетовых кристаллов. Аметисты!

– Вот те на! – прогудел отец Вениамин. – Это же драгоценный камень.

– Полудрагоценный, – поправил Варламов. Когда ездил по делам фирмы, пару раз заглядывал в горные выработки. – Такие кристаллы недороги. Что странно, обычно они в миндалинах, а тут будто выставлены напоказ.

Действительно, каменные желваки с аметистами были словно разрублены пополам. Пошли дальше. Воздух тяжелый, пламя свечи покраснело, похоже спустились на большую глубину.

– А это что? – отец Вениамин поднес свечу к стене.

На этот раз кристаллы большие: темные, с таинственными золотистыми искрами в глубине. У Варламова перехватило дыхание.

– Такие редкость. Будут стоить очень дорого. Не понимаю, почему их оставили здесь?

Он огляделся: высокий свод, тишина, фиолетовые огоньки в стенах. Словно светильники в дворцовом коридоре... Неприятный холод коснулся спины.

– Боюсь, мы уже не в выработках.

– Господи, спаси и сохрани... – забормотал священник. Потом предложил: – Давай вернемся.

Варламов вздохнул: – Вряд ли позволят, раз уж так далеко зашли. Знаю их...

Кого «их», он не уточнил. Тронулись дальше: огоньки в стенах разгорелись и теперь горели собственным светом. Помимо аметистов как будто появились турмалины. Самых разных цветов: зеленые, рубиновые, синие. Свечу погасили, нужды в ней больше не было. Огоньки не мигали, иначе походило бы на рождественскую елку. Было просто тихо и торжественно. А потом впереди показался столб зеленоватого света.

– Ну вот. Пока шли через прихожую. А теперь будет приемный зал.

– Какой зал? – тревожно спросил отец Вениамин.

Зеленый свет все ярче, арка с красными камнями, похоже на рубины. За ней настоящий дворцовый зал! Стены и колонны из красивого зеленого камня с прожилками – малахит! По зеркальному полу скользят золотые змейки, отсюда и свет. У стен черные кусты с зелеными колокольчиками, и в каждом таинственно мерцает темная звездочка.

– Ну, всё, – тоскливо сказал Варламов. – Теперь нам отсюда ходу нет. Если сказания не врут.

– Какие сказания? – встревожился отец Вениамин.

– Про каменный цветок. Кто его увидит, на поверхность земли уже не вернется. Бажова читал?

– Нет, – насупился священник. – В семинарии сказок не держали.

Варламов читал лишь потому, что к телевизору не пробиться, а библиотека у отца была хорошая. Он вздохнул:

– Пора бы появиться и самой хозяйке...

Женщина вышла из-за колонн! Черноволосая, в длинном платье малахитового цвета, лицо прекрасное и холодное.

– Чур меня. – Отец Вениамин сложил пальцы, чтобы перекрестить видение.

– Опустит руку, – недобро прозвучал голос. – Иначе я сниму временной сдвиг, и ты окажешься в двухстах саженях под землей, а здесь нет ходов, кроме моих.

Варламов слегка поклонился.

– Здравствуй, Хозяйка. – Обращаться на «ты» было жутковато, но и «вы» казалось неуместным.

– Здравствуйте и вы, гости незваные. Хотя не совсем. Я хотела увидеть вас, а точнее тебя, избранный из многих. Уж конечно не этого козла.

Священник обиженно фыркнул.

– Ты еще прекраснее, чем описывают, – учтиво сказал Варламов. – А убранство дворца, на земле нет равных.

К учтивости привык вынужденно, из-за встреч с очень разными людьми... и не совсем людьми. То ли людены (термин из какой-то книжки), то ли древние Владыки – не разберешь.

– Я знаю, что ты встречался с Хозяйкой Сада, – голос женщины теперь походил на мурлыканье сытой кошки. – У меня свой сад, каменный. И свое подземное царство. Мне нет нужды влезать в земные дела, разве что для развлечения.

В сказах Бажова упоминались «развлечения» Хозяйки Медной горы, и Варламов поехал.

– Надеюсь, ты не станешь обращать нас в своих мастеров? – спросил он.

– Вы не приучены к горному делу, какой из вас толк. Но пойдем.

Открылся проем в другой зал. Стол, табуретки, большая кровать – все из меди. Стены опять малахитовые, но с алмазным блеском. Потолок темно-красный, с цветами. Всё как у Бажова, наверное тому дали заглянуть сюда.

– Садитесь, гости дорогие. Поговорим.

Сели за столешницу из малахита, прямо дворцовая роскошь. Хотя куда там земным дворцам! Платье Хозяйки изменилось, засверкав алмазной россыпью. Словно меняющиеся облачения Лилит, но красота той была жгучей и соблазнительной, а у этой холодной. Вспомнилось и то, что Хозяйка предлагала себя камнерезу Степану в жены...

– Спасибо, что помогла выбраться из шахт. – Сказал, а в голове мелькнуло: «Выбрались ли?»

Хозяйка взмахнула рукой, будто в ответ, но из стены появилась приземистая девушка в золотистой одежде. Оттенки золотого неуловимо переливались.

– Принеси еды и питья. Вина и... – она глянула на отца Вениамина, – чего-нибудь покрепче.

– Хотела спросить, – она повернулась к Варламову. – Зачем ты влез в эту игру? Здесь ты в безопасности, мое могущество велико, но наверху тебя будут преследовать. И люди, и подобные мне.

Похоже, не собирается оставлять здесь, это хорошо. Но надо быть осторожным. Очень осторожным. Хотя лучше, пожалуй, сказать правду.

– Я любил девушку, – сказал он. – Вышло так, что только Хозяйка Сада могла спасти нас. Взамен я дал ей обещание.

– Не жалеешь? – холодная ирония прозвучала в голосе.

– Пока нет, – вздохнул Варламов.

На этот раз из стены появилась целая вереница золотистых девушек. Все низкорослые, движения проворные, скользящий шаг. Каждая несла поднос. Миг – и перед Варламовым оказалось блюдо, вилка и нож, все из серебра. Хрустальный бокал – настоящее произведение искусства. Отцу Вениамину поставили графин, тоже из хрусталя, и стопку поменьше. Одна из

девушек открыла темную высокую бутылку, налила Хозяйке, потом Варламову. Отец Вениамин покрутил головой и налил себе сам.

– За встречу, – сказала Хозяйка. – Чтобы у вас остались самые лучшие воспоминания. Голос музыкальный, но слова будто граненые, каждое отдельно от другого.

Варламов пригубил вино. Тягучее, темное и будто наэлектризованное – пожалуй лучшее, что он пил. В голове слегка зашумело, будто отдаленный прибор. Интересно, откуда под землей виноградники?

Отец Вениамин крикнул и поставил пустую рюмку. – Да уж, – неопределенно сказал он. Хозяйка поглядела с усмешкой: – «Слезы гор».

Варламов придвинул блюдо. Жаркое с какими-то травами, пахнет восхитительно. Да и на вкус оказалось таким же.

– У тебя прекрасные повара, Хозяйка, – проговорил он.

– Стараюсь подбирать лучших. – Хозяйка снова усмехнулась, а Варламов слегка вздрогнул.

За едой молчали. Хозяйка не ела, отпивая вино из бокала и поглядывая то на Варламова, то на отца Вениамина, будто что-то прикидывала. Гости выпили еще несколько раз, после каждой рюмки отец Вениамин соловел все больше. Варламов покончил с жарким и отодвинул блюдо. Тут же из стены появились золотистые девушки и убрали всё со стола. Десерта, похоже, не полагалось.

– Ну что же, гости дорогие, – вставая, произнесла Хозяйка. – Покушали, пора и почивать. На земле ночь.

Стало не по себе, но прекословить не стоит.

– А старый козел, похоже, заснул, – рассмеялась Хозяйка (снова звон серебряных колокольчиков). – Так «слезы гор» не пьют. Помоги дотащить его до постели.

Взяв отца Вениамина под руки, потащили к стене. Там открылся альков, положили священника на диван. Варламов ощутил холодноватое скользкое прикосновение платья Хозяйки, а еще горьковатый аромат духов.

Вышли. Золотые змейки потускнели и скользили медленнее. Хозяйка указала на медную кровать.

– Спать будешь здесь, у меня нет особых спален для гостей. Только Зал... – Она неприятно усмехнулась. – Я как-нибудь перебуюсь. Ванная там.

Она скрылась между колонн, а Варламов пошел в указанном направлении и действительно обнаружил ванную. Стены на этот раз не из малахита, а розового камня, ванна как большая чаша, ручки кранов прямо ювелирной работы. Была горячая и холодная вода. Он с наслаждением вымылся, чувствовал себя грязным после ползания по выработкам. Не стал надевать мягкую и грязную одежду, а чтобы не выходить в малахитовый зал в одних трусах, накинул один из халатов. Выбрал темный со строгим орнаментом, оказался впору – Хозяйка была одного роста с Варламовым.

В зале пусто и полутемно, золотые змейки почти угасли. Изумрудные колокольчики мерцают у стен. Варламов откинул покрывало и лег на кровать. Ложе жесткое и холодное. Не проходит возбуждение, наверное от вина. Заснет ли он на медном ложе в сердце горы?

Какая-то фигура движется по залу, затемняя каменные цветки. Ложе слегка прогибается – рядом с Варламовым ложится женщина. Острые холмики груди, зеленоватое мерцание глаз – Хозяйка! Вот откуда возбуждение, он предчувствовал это. Но одновременно страх сковывает тело.

– Не бойся, – говорит Хозяйка. И чуть насмешливо продолжает: – Я не смогла удержаться от соблазна, впервые за долгое время в моей постели оказался мужчина. Я почти забыла, как это бывает.

– Я женат, – с трудом выговаривает Варламов, но сердце начинает биться сильнее.

Серебристый смех. – Какое это имеет значение? Я не предлагаю себя замуж. У тебя есть дети?

– Да, мальчик и девочка.

– Интересно, у меня могут быть дети от земного мужчины? Или ты думаешь, что я стара? Ничего подобного. Это моя мать была королевой, она начала создавать этот мир тысячи лет назад. А я только наследница.

Хозяйка придвигается и кладет руку на грудь Варламова. Тело у нее гладкое, как полированный мрамор, но теплое. Быстро сменяются мысли. Отказывать нельзя, отвергнутая женщина способна на что угодно. Как бы не оказаться навеки в зале, о котором с усмешкой говорила Хозяйка. Если хочет выжить и вернуться к Джанет, надо согласиться. Да и тело уже возбуждилось...

Пальцы бегут по груди, покалывая как граненые кристаллы. Варламов поворачивается и обнимает женщину. Горячая! И тело более плотное и твердое, чем у Джанет. Не чувствуется никакой нематериальности, но от этого возбуждение еще сильнее.

Все-таки это Хозяйка, и подчинения не любит даже в сексе. Она вывертывается из рук Варламова и ложится сверху, вдавливая его в ложе. Миг, и его мужская плоть проникает будто в каменную пещерку – саднит, а женщина приподнимается и опускается снова. Варламов стонет и от наслаждения, и от боли. Хозяйка привстает, упираясь руками в его грудь, ногти больно впиваются в тело. Она поднимается и опускается все быстрее, и зеленые огоньки вдоль стен загораются и меркнут в такт с ее движениями. Варламов непрерывно стонет от сладостной боли... и вдруг извергается горячими толчками. Хозяйка раскачивается на нем, волосы мечутся из стороны в сторону – и падет на мокрую от пота грудь Варламова. Из него чуть не вышибает дух.

Темнота, покой, только хриплое дыхание – то ли Варламова, то ли Хозяйки. Наконец она скатывается с Варламова.

– Неплохо побыть с мужчиной, – немного задыхаясь, говорит она. – Пожалуй, надо отыскать себе мужа.

Варламов опасается что-либо сказать, да и неудержимо клонит в сон...

Естественно, утром в дорогу не отправились. Хозяйка пожелала, чтобы Варламов остался, а спорить с ней он опасался, да и не очень хотел. Золотистые девушки забрали испачканную одежду, и на следующий день вернули, выстирав и погладив. Варламов подолгу играл с отцом Вениамином в шахматы (каменные фигурки были изумительно искусной работы), или бродил по галереям, любуясь самоцветами, а ночи проводил с Хозяйкой. Та была неутомима, а вот Варламов начал изнемогать. Как-то после особо пылкой любовной сцены он об этом сказал. Хозяйка приподнялась на локте, зеленые огоньки в глазах умиротворенно мерцали.

– Ну что же. Я потешилась и, пожалуй, тебя отпущу...

Утром после завтрака, когда девушки убрали со стола, Хозяйка Медной горы повела рукой.

Раздался звон, и столешницу усыпали камни. Зеленые, синие, красные и сверкающие граненым блеском – алмазы.

– Ух ты! – выдохнул отец Вениамин.

– Выбирай подарок, – сказала Хозяйка Варламову. – Этот камень будет носить твоя жена, я ведь ее должница, а потом ваша дочь. Ко всему прочему, это ключ от подземного царства.

Блеск алмазов притягивал, но Варламов отвел от них взгляд. Немыслимой дороговизны!

– Вот, – он протянул руку к большому изумруду чистой воды. – У жены рыжеватые волосы, он великолепно подойдет к ним.

– Ты сделал хороший выбор, – нотка одобрения скользнула в голосе Хозяйки. – На земле оправь его в серебро.

– А мне? – обиженно спросил отец Вениамин.

Хозяйка рассмеялась.

– Людишки бывают забавны. Но тебе, жадный козел, я выберу сама.

Она протянула священнику ограненный аметист средней величины.

– Придает стойкости против искушений и помогает от пьянства. Вообще-то ты недостойн, однако побывать у Хозяйки Медной горы и уйти без подарка... я этого не люблю. Конечно, подарки бывают разные, но сегодня у меня хорошее настроение.

Отец Вениамин даже не обиделся на «козла», восхищенно разглядывая аметист. Хозяйка снова повела рукой, и камни словно растворились в собственном мерцании.

– Пора прощаться. Куда вам надо?

– Хотели добраться до Магнитогорска, – осторожно сказал Варламов.

– А, Магнитка? Это место я не люблю, там безжалостно вторглись в мои владения. Отправитесь в Белорецк. По горам далеко, под горой близко. Пойдем.

В стене открылся ход, камни в стенах испускали переливчатый опаловый свет. Наверное, опалы и есть.

– Прощайте. Я с вами не пойду.

Идя вслед за отцом Вениамином, Варламов оглянулся. Хозяйка стояла, как в картинной раме: малахитовое платье, обстановка из красной меди за спиной. Медное сердце горы...

Неужели так и живет одна? Раньше наверху были заводы, горные мастера. Было над кем пошутить, кого наградить, а кого наказать. Сейчас на земле о ней и не помнят. Хотя взялись же откуда-то золотистые девушки. От заигрываний отца Вениамина уклонялись, но ведь живые, а не бездушные роботы.

Границу владений Хозяйки пересекли внезапно: только что был опаловый свет – и нет его. Впереди показался голубой клочок неба, сердце сделало перебой. Отец Вениамин чертыхнулся. Наверное, исчез тот временной сдвиг, о котором говорила Хозяйка, и они оказались в привычном мире. Выход загораживала ржавая решетка – держалась крепко, но отец Вениамин налег, зарычал как медведь и отогнул-таки край. Не зря хлеба ел.

Снаружи оказалась березовая рощица, а внизу речка с обрывистыми берегами и город. Пошли к нему полотном старой узкоколейки, сзади осталась гора с зубчатой вершиной. Горный Урал – интересно, сколько километров до места, где они прятались в выработках?... Ближе к городу пошли огороды, старые бревенчатые дома. Стали попадаться люди, поглядывали на путников. Следом появились пятиэтажки, улица вывела на площадь. Там стояли два танка с незнакомыми символами – горная вершина в круге. Сердце Варламова упало.

Тут же подошел военный патруль.

– Документы?

Такой же полицейский блокнот, как в Канаде – неудивительно, все китайского производства. Офицер поднес к нему карточку «Сидорова», глянул на дисплей.

– Беженец из Московии? Придется задержать. Южнороссия дружеская автономия, но беглецам из Московии мы не доверяем. Много шпионов, а сейчас военное положение.

Такая же участь постигла отца Вениамина. Опять управление внутренних дел, камера с несколькими арестованными. Варламов вздохнул, его как футбольный мяч перекидывали от одного полицейского участка к другому. Долго не задержались, всех погрузили в автобус с решетками на окнах и отправили разбираться в Магнитогорск. Сначала лесистые холмы, потом беслесные, облако дыма на горизонте – Магнитогорск. В общем, попали куда хотели.

Город был большой, здание УМВД соответственно. Здесь основательно обыскали. Человек в серой форме зловеще хмыкнул, выложив на стол обе карточки Варламова, на изумруд поглядел с удивлением. Отец Вениамин тоже лишился карточки, ножа и аметиста. Сидевший за столом полицейский оставил карточки перед собой, а камни смахнул в ящик. Прощай, подарок Хозяйки.

– Все ясно, шпионы из Московии, – довольно сказал полицейский. – Фальшивые документы, деньги, драгоценные камни. Отдохните пока в камере, а вечером с очередной партией расстреляем.

– Побойтесь Бога! – возмутился отец Вениамин. – Мы пострадавшие, летели из Сталинграда, а самолет сбили.

– В самом деле, – сказал Варламов. – Свяжитесь со Сталинградом, там подтвердят, что мы в списке пассажиров рейса на Хабаровск.

Полицейский снова хмыкнул и сделал знак увести. Провели по длинному коридору, похоже в другое здание. Камера оказалась отдельной, видимо для важных подозреваемых. Варламов сел на откидную кровать, на душе было мутно: неласково встречала его родина. Когда-то в этих местах воевали красные с белыми, а теперь Московская автономия с Уральской. Только недавно радовался, поговорив с Джанет... Отец Вениамин стал в углу на колени и стал истово молиться. «Аз грешен есмь...» – то и дело повторял он. Но усердным подвижником священник не был, скоро поднялся.

– Все в руке Его, – философски сказал он. – Захочет, помилует. А ты исповедоваться не хочешь?

– Я в протестантскую церковь иногда хожу, – ответил Варламов, – мать была американкой. А у них не принято.

– Да ну? – удивился отец Вениамин. – То-то, гляжу, никогда не крестишься. А надо бы, приблизилось время конца мира сего.

– Вряд ли, – на Варламова нашел дух противоречия. – Когда была прошлая война, многие думали, что настал конец света. Всё, как в Библии: «и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь». Прямо эффект «чёрного света» описан...

Сразу заболела голова. – Скорее всего, конец света откладывается, – поморщился он. – И похоже, не в первый раз.

Отец Вениамин покачал головой: – Придет Иисус Христос, как обещал. И поделит людей на овец стада своего и козлищ окаянных.

Варламов представил попа расстригу в облике овечки и прыснул. Нервы стали ни к черту.

– Мне кажется, это и в самом деле предполагалось, – чуть погодя сказал он. – В первые века христианской эры. Возможно, сам Христос упросил Отца повременить, из любви к людям. Так что процесс получился... более растянутым во времени.

Вспомнилась загадочная госпожа Сада и холодноватая Хозяйка Медной горы.

– И наверное есть другие, кого не устраивает скорый конец света.

– Не по православному это, – покачал головой отец Вениамин. Сел на кровать и зевнул. – Вот ведь организм подлый. Надо каяться, душу очищать, а в сон клонит.

Варламов тоже лег на жесткую койку, на душе было по-прежнему тошно, но неожиданно задремал. Разбудил скрип открываемой двери, и Варламов ошалело сел. Куда теперь потащат его и Сирина?.. В следующий миг очнулся – он не на Североамериканских Территориях, куда прилетел с Сирином. Он в России, хотя тоже в тюремной камере.

– Варламов! На выход.

Отконвоировали в другой кабинет, у хозяина больше звезд на погонах. На лацкане такой же значок, как у капитана Петрова – красный крест в разомкнутом круге.

– Варламов Евгений Павлович, – сказал он, протягивая обе карточки. – Он же Сидоров Павел Евгеньевич. Хорошо, что мне сразу доложили, и я сверился в Сталинграде. А то в суматохе могли и расстрелять, у нас военное положение. Значит, потерпели крушение? Сочувствую. Ну, мы вас со спутником не задерживаем. У дежурного получите пропуск первой категории. Советую ехать подальше, в Тюмень. Лучше бы в Омск, но туда сейчас самолеты не летают.

Варламов облегченно вздохнул.

– Спасибо, – сказал он. Хотел попросить, чтобы вернули драгоценные камни, но зазвонил телефон, и начальник махнул рукой: уходите.

Проводили вниз, где у стойки дежурного топтался отец Вениамин. Варламову вернули конфискованную «Сайгу», только сказали по городу носить в чехле (прежний остался в выработках). Оба получили пропуска – Варламов впервые за долгое время держал в руках бумажный документ – и поспешили оставить полицейское заведение.

На улице священник вздохнул: – Жалко аметист. И куда теперь?

– На вокзал, – хмуро сказал Варламов. – Хватит с меня самолетов, да вроде и не летают. Деньги у меня есть. Только в оружейный магазин заглянем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.